

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

3 (35) ВЛАДИМИРСКОГО
2022 ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
 ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
 И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2022

Редактор

Е. А. Лебедева

Корректор

Н. В. Пустовойтова

Технический редактор

С. А. Володин

Верстка оригинал-макета

Е. А. Герасиной

Выпускающий редактор

А. А. Амирсейидова

Автор перевода

А. А. Ищенко

кандидат ист. наук, доцент

*За точность и добросовестность
сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы*

Адрес учредителя:

600000, г. Владимир,

ул. Горького, 87

*Владимирский государственный
университет имени Александра*

*Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых*

Адрес редакции: 600000,

г. Владимир, ул. Горького, 87, ВлГУ,

каб. 08-1

Подписано в печать 15.12.22

Заказ № 4

Выход в свет 13.02.23

Бесплатно

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 11,16

Тираж 500 экз.

Издательство

*Владимирского государственного
университета имени Александра*

*Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых*

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87

Отпечатано в отделе

*оперативной полиграфии Владимирского
государственного университета*

имени Александра Григорьевича

и Николая Григорьевича Столетовых

600014, г. Владимир,

ул. Белоконской, 3Б

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

<i>Е. М. Петровичева</i>	доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института
(главный редактор серии)
<i>Е. И. Аринин</i>	доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения
(зам. главного редактора серии)
<i>А. В. Лубков</i>	доктор ист. наук, профессор
ректор Московского педагогического
государственного университета
<i>М. В. Артамонова</i>	кандидат филол. наук, доцент
директор Педагогического института
<i>А. С. Минаков</i>	доктор ист. наук, профессор
профессор кафедры истории
России Московского педагогического
государственного университета
<i>С. И. Реснянский</i>	доктор ист. наук, профессор
академик РАН
<i>К. А. Аверьянов</i>	доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионоведения
Исторического факультета СПбГУ
<i>Т. Л. Лабутина</i>	доктор ист. наук, профессор
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
<i>И. К. Лапина</i>	доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой всеобщей истории
<i>Н. М. Маркова</i>	кандидат филос. наук, доцент
зам. директора Гуманитарного института
ВлГУ
<i>С. А. Мартыанова</i>	кандидат филол. наук, доцент
доцент кафедры русской и зарубежной
филологии
<i>М. В. Пименова</i>	доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
<i>А. С. Тимощук</i>	доктор филос. наук, доцент
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
ВЮИ ФСИН России
<i>А. В. Ляпанов</i>	кандидат ист. наук, доцент
доцент кафедры истории России
(отв. секретарь редакционной
коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Е. И. Гаврилова, Г. Н. Мокшин

Я. В. Абрамов о событиях 1905 года и путях преодоления «смуты»..... 5

В. В. Митрофанов

«Слухи тревожные из Петербурга...»: письма А. А. Спицына

С. Ф. Платонову (1911 – 1927 гг.) 13

А. Б. Соловьев

О Гомельской разведывательно-диверсионной школе абвера

(несовершеннолетние диверсанты в практике «блицкрига») 40

А. А. Сорокин

Проекты реформы земского избирательного законодательства

в начале XX в. в оценках газеты «Новое время» 48

ФИЛОЛОГИЯ

С. Ф. Бут-Гусаим

«Говорящие» поэтонимы в контексте исторической

прозы и драматургии белорусских писателей 55

ФИЛОСОФИЯ

С. Ш. Абдуллаева

Становление науки в средневековом исламском обществе 64

Е. И. Аринин, К. Лю

Представления о боге в контексте китайской и российской культур:

сравнительный религиозоведческий анализ (часть 1) 70

В. С. Конькова

Семиотизация истории европейской цивилизации в нарративном

мире японской анимации «Атака титанов» 77

А. С. Тимошук

Диалектика ценностно-смыслового и нормативного в текстах индуизма..... 85

Сведения об авторах..... 95

CONTENTS

HISTORY

E. I. Gavrilova, G. N. Mokshin

Y. V. Abramov on the events of 1905 and ways to overcome the “troubles” 5

V. V. Mitrofanov

“Alarming rumors from Petersburg...”: letters of A. A. Spitsyna

S. F. Platonov (1911 – 1927) 13

A. B. Solovyov

About the Gomel intelligence and sabotage school of the Abwehr

(underage saboteurs in the practice of “Blitzkrieg”) 40

A. A. Sorokin

Draft reforms of the zemstvo electoral legislation at the beginning

of the XX century in the estimates of the newspaper “New time” 48

PHILOLOGY

S. F. But-Gusaim

“Talking” poetonyms in the context of historical prose and drama

by belarusian writers 55

PHILOSOPHY

S. Sh. Abdullaeva

The formation of science in the medieval islamic society 64

E. I. Arinin, K. Liu

Concepts of god in the context of chinese and russian culture:

comparative religious analysis (part 1) 70

V. S. Konkova

Semiotization of the history of european civilization in the narrative world

of japanese animation “Attack of the titans” 77

A. S. Timoshchuk

Dialectics of value-semantic and normative in the texts of hinduism 85

Contributors 95

Я. В. АБРАМОВ О СОБЫТИЯХ 1905 ГОДА И ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ «СМУТЫ»

Статья посвящена изучению взглядов на революцию 1905 г. одного из видных теоретиков позднего народничества Я. В. Абрамова. На основе анализа статей публициста в провинциальной печати реконструируется его понимание причин подъема русского освободительного движения в начале XX в., особенностей его развития и результатов, достигнутых к началу 1906 г. Рассматривается предложенная Абрамовым программа преодоления охватившего Россию внутриполитического кризиса. Уточняются причины, по которым, описывая события 1905 г., Абрамов называл их не революцией, а «смутой».

Ключевые слова: Я. В. Абрамов, народники, революция 1905 г., «смута», Манифест 17 октября 1905 г., г. Ставрополь.

Я. В. Абрамов – видный народнический писатель и публицист последней трети XIX – начала XX в., больше всего известный как основоположник теории «малых дел». С 1890 г. он проживал у себя на родине в Ставрополе-Кавказском, где в 1895 – 1906 гг. состоял гласным городской думы.

Об общественной деятельности Абрамова в 1905 г., когда он стал чуть ли не главным трибуном местного общества, критиковавшим «всё и всех», довольно подробно написано в исследованиях ставропольских историков С. Я. Новака, Э. В. Кемпинского и Н. Д. Судавцова. В основном они опирались на его речи и заявления в Ставропольской думе [14; 15; 18]. А вот об отношении народнического публициста к событиям 1905 г. (их причинам,

особенностям и последствиям для страны) известно только в самых общих чертах, так как большинство его публикаций на эту тему до сих пор не введено в научный оборот. Главные вопросы, которые нас интересуют: почему, описывая подъем освободительного движения в 1905 г., Абрамов называет эти события не революцией, а новой русской «смутой»? какие предлагает пути ее преодоления?

Почему это важно? Очевидно, что за этими словами стоит разное понимание сути происходящих событий в смысле их влияния на дальнейшее развитие страны. «Смута» – это синоним бунта и анархии, в которых преобладает стихийное начало. После прекращения смуты существующий строй не только сохраняется, но и становится

более прочным. Революция – это движение, направленное на утверждение кардинально нового, более совершенного общественного порядка [19].

Абрамов был очень плодовитым журналистом. Его перу принадлежат более двух тысяч публикаций, в основном «на злобу дня» [11]. Читая его статьи, не сразу поймешь, что их автор – убежденный народник. В них нет засоренности народническими «идеологизмами». Все-таки Абрамов писал для массового читателя. Но привычка автора оценивать все значимые для развития страны вопросы с точки зрения интересов простого народа выдает в нем публициста народнического направления. Тот же подход использован Абрамовым и при освещении событий 1905 г.

Революции 1905 г. Абрамов посвятил более трех десятков статей. Почти все они опубликованы в газетах «Приазовский край» (Ростов-на-Дону) и «Северный Кавказ» (Ставрополь). Основное внимание публициста занимали охватившие страну массовые беспорядки (от политических демонстраций до погромов) и реакция на них правительства и местных властей.

Начнем с общих причин возникновения революции 1905 г. Специально этим вопросом Абрамов не задавался. Но если сложить отдельные его высказывания на этот счет, то получается следующая картина. События 1905 г. анализируются Абрамовым в контексте истории русского освободительного движения. В то время на волне разговоров о необходимости освобождения русского общества от связываю-

щих его бюрократических пут понятие «освободительное движение» становится очень популярным. Интересно, что историю данного движения в России Абрамов отсчитывал не с декабристов, а с первых лет правления императора Александра I [3]. Это он внес в русское общество идею свободы и «сознание необходимости серьезных преобразований нашего общественного строя», включая отмену крепостного права [8, с. 173].

С точки зрения Абрамова, главные вехи освободительного движения в России символизировали два царских манифеста: 19 февраля 1861 г. – об отмене крепостного права и 17 октября 1905 г. – документ, в котором всему населению страны была предоставлена свобода слова, печати и собраний [3]. Означает ли это, что основной движущей силой политических изменений в стране публицист считал добрую волю монарха, действующего ради общего блага? Конечно, нет. Даже такие «либералы», как Александр I и Александр II, так и не решились на добровольное ограничение своей власти. А Манифест 17 октября 1905 г. был подписан Николаем II чуть ли не под дулом пистолета. Неслучайно, когда гласные Ставропольской думы захотели поблагодарить царя за дарование гражданских свобод, Абрамов и его единомышленники заявили, что это заслуга не властей, а тех смелых борцов, которые организовали движение пролетариата и первыми «в борьбе за свободу подставляли грудь свою под пули правительства» [18, с. 174].

До начала XX в. общество и народ вели борьбу за свои права независимо друг от друга. Народники, пишет Абрамов, несмотря на «хождение в народ», были, в сущности, мало знакомы с тем, что происходило в «глубинах народной жизни». Сближение двух «рукавов» освободительного движения началось только в 1905 г., когда народные массы (в лице своих лучших представителей) начинают осознавать значение политической борьбы с самодержавием. В то же время почва для таких радикальных перемен (стараниями того же Абрамова) стала формироваться еще 15 лет назад благодаря успешной культурно-просветительской деятельности интеллигенции в деревне [4].

Толчком для трансформации протестных настроений в общенациональное движение послужили неутешительные итоги Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. На это публицист обращает особое внимание. Именно поражение в войне указало всем недовольным на связь требующих неотложного решения вопросов (о положении рабочих и крестьян, необходимости уничтожения полицейского режима, развитии местного самоуправления и др.) с общими условиями русской жизни. «Мы, – замечает по этому поводу Абрамов, – имели неосторожность столкнуться с маленькой, но свободной Японией и потерпели неудачу. Оказалось, что сила этой небольшой страны, ее высокая культура заключалась в свободе народа...» [2; 3].

Размышляя над событиями зимы и весны 1905 г., Абрамов уже тогда фиксирует смещение «центра тяжести пе-

реживаемого момента» с вопросов, связанных с конкретными нуждами населения, на то, *каким путем* возможно их удовлетворение. По мнению самого Абрамова, в условиях охватившего Россию внутривластительского кризиса создаваемые правительством бюрократические комиссии оказались малоэффективны, и пришло время для привлечения народа к «законодательным разрешениям вопросов». «Теперь, – пишет публицист, – это кардинальный вопрос народной жизни» и главное условие прекращения беспорядков и выхода из смуты [9; 12].

Таким образом, главной причиной нового подъема освободительного движения Абрамов считал нарастание в народе *недовольства* своим бесправным положением (под влиянием неудачной войны с Японией). Причем движение оказалось настолько мощным, что царь вынужден был пойти на уступки и признать необходимость законодательного ограничения своей власти. В 1905 г. Россия наконец вступила на путь, «проторенный всем человечеством», – с пафосом восклицает публицист в одной из своих статей [10].

Общий ход интересующих нас событий Абрамов изложил в статье «Наша внутренняя жизнь в 1905 году». С виду это очень напоминает соответствующий параграф в учебнике истории: «Кровавое воскресенье» (9 января 1905 г.), повсеместные стачки протеста и рост крестьянских волнений (в том числе в Польше), образование первых рабочих советов и Всероссийского крестьянского союза, отдельные вос-

стания в армии и на флоте и, наконец, Всероссийская октябрьская политическая стачка и Манифест 17 октября как кульминация описываемых событий [5]. Но есть некоторые важные нюансы, связанные с пониманием внутренней логики развития данного движения как единого целого.

Прежде всего, речь идет об оценках Абрамовым действий верховной власти как стороны конфликта, заинтересованной в его скорейшем разрешении. Указами от 4 декабря 1904 г., 18 февраля и 6 августа 1905 г. царь как бы приглашает общество к диалогу. Даже соглашается на учреждение законосовещательной (Булыгинской) думы. Однако все анонсируемые реформы намеренно затягиваются бюрократическими проволочками, подпитывая общее недовольство [Там же].

В этом плане очень показательное отношение публициста к Манифесту 17 октября 1905 г. Изначально Абрамов возлагает на этот документ большие надежды, называет его не иначе как «великим историческим актом, хартией свободы русского народа». «Высочайший Манифест 17-го октября, – пишет публицист, – создал новую эру в жизни русского народа и золотыми буквами запишется на скрижали русской истории», так как дарованные свободы действительно нужны для развития «духовной и материальной мощи» русского народа [Там же].

Но ликование по случаю начала коренных преобразований очень быстро сменилось глубоким разочарованием. «Смута» расцвела еще более пыш-

ным цветом, так как на арену, говоря словами нашего публициста, вышли «черные силы». Начинаются погромы, направленные против мирного населения, репрессии против земских и городских деятелей, предпринимаются попытки ограничения свободы печати... И даже неугомонный оптимист Абрамов начинает терять надежду на возможность *мирного* осуществления дарованных свобод [5].

Интересно, что по сведениям местной полиции за 1905 г. Абрамов, будучи гласным Ставропольской думы, «вел знакомства исключительно с поднадзорными и политически неблагонадежными», отличался «крайней резкостью антиправительственных суждений», помещал в газетах «Северный Кавказ» и «Приазовский край» статьи «прямо антиправительственного содержания» и участвовал «во всяких антиправительственных проявлениях». Будучи в ноябре 1905 г. в Москве на съезде земских и городских деятелей, «принадлежал к крайней левой партии» (конституционных демократов), «высказывая самые крайние революционные взгляды» [13, с. 238]. На наш взгляд, это явное преувеличение. Все-таки Абрамов – это представитель легальной интеллигентской оппозиции, а не революционер.

Итак, по мнению Абрамова, Манифест 17 октября 1905 г. не смягчил, а, наоборот, обострил противостояние между властью и обществом, за которым могло последовать либо усиление реакции, либо дальнейшее сползание страны в затяжную «кровоавую» смуту.

О «сеятелях смуты на земле русской», пытающихся натравить на интеллигенцию «темный» народ, народнический публицист заговорит еще весной 1905 г. [6]. С точки зрения правительства и поддерживающих его консервативных сил, «смута» – это прямая противоположность «правопорядка», т. е. «анархия», порождаемая народными волнениями [10]. У Абрамова бесчинства, погромы и беспорядки провоцируют «враги» народа (всякого рода «хулиганы» и «озверелые отбросы» сельской и городской буржуазии) при полном попустительстве центральных и местных властей.

Очевидно, что новая русская «смута» имела разные источники, что мешало Абрамову увидеть в ней зарождение и развитие первой народной революции. Но были и другие причины.

Главный признак революции – коренные изменения существующего политического строя. Многие историки считают, что в 1905 г. Россия стала конституционной монархией, а ее население получило политические права, закрепленные в «конституции» 1906 г. («Основных законах Российской империи»). По Абрамову, так называемая «конституционная реформа» носила формальный характер, поскольку декларированные гражданские свободы не соответствовали реальной политике царского правительства. «Когда же мы будем гражданами?», – вопрошал публицист в марте 1906 г., сетуя на сохранение в стране сословных ограничений [7].

Еще одна важная составляющая революционного процесса – изменения в политическом мышлении масс. В этом вопросе Абрамов был менее категоричен. Влияния событий 1905 г. на политическое воспитание народа он не отрицал. «Чувство собственного достоинства, а отсюда и чувство равенства поразительно выросло за последнее время в массах. Никаких привилегий – с одной стороны, и уничтожение бесправия – с другой, таковы лозунги... популярные в массах... Время, когда население не понимало значения политических реформ, проходит безвозвратно» [7]. Публицист даже готов был признать неизбежное превращение русского народа в новую самостоятельную социально-политическую силу [4].

Вместе с тем далеко не все население страны оказалось готово к кардинальным изменениям своей жизни и стремилось воспользоваться дарованными ему свободами. Неслучайно народные протесты по-прежнему носили стихийный и, по сути, *деструктивный* характер (с убийствами, поджогами и разграблением чужого имущества). Все это, по признанию Абрамова, осложнило выход России из «смуты», которая продолжалась даже после того, когда власти пошли на серьезные уступки [5].

Так или иначе, после Манифеста 17 октября важнейшей задачей русской жизни Абрамов считал прекращение любых беспорядков и возвращение страны к нормальной жизни. «Свободная Россия должна перейти к

мирной созидательной работе» [3]. Дальнейшая эскалация протестных настроений (к чему призывали представители революционных партий) была бессмысленной. Рабочее и крестьянское движение, по убеждению публициста, все равно будет подавлено военной силой, «залито кровью... у правительства достаточно еще для этого сил» [16].

11 декабря 1905 г. был утвержден новый закон о выборах в Государственную думу, который значительно расширил круг избирателей. По признанию Абрамова, «если что в данное время могло бы вывести нас из современного невыносимого для всех положения, то только созыв народных представителей, избранных, конечно, свободною подачею голосов» [5].

Самый важный вопрос, который предстояло решать Думе, – аграрный, так как он касался основного населения страны. Аграрная программа, отвечающая народным чаяниям, по мнению Абрамова, включала два главных пункта: наделение крестьян землей за счет частновладельческих земель и минимизация выплат за нее со стороны крестьянских обществ [1]. Было и еще одно важное условие для решения аграрного вопроса – превращение крестьян в полноправных граждан (для законодательного обеспечения их имущественных интересов). В этой связи Абрамов выражал надежду, что избранные в Думу крестьяне будут заниматься не только экономическими вопросами [7].

В современной литературе об Абрамове утвердилось мнение о том, что на рубеже 1905 – 1906 гг. его взгляды резко «поправились» и вчерашний глава «оппозиционной партии» Ставрополя вновь вернулся к пропаганде мирного пути построения социализма (через развитие производственной и потребительской кооперации, создание касс взаимопомощи и т. д.) [14, с. 159; 17]. Отказ Абрамова от продолжения политической борьбы с самодержавием вызвал резкую критику со стороны местных эсеров и социал-демократов. В итоге он пошел на выборы в Думу как независимый кандидат. Правда, выборщики от крестьян Абрамова тоже не поддержали и в Государственную думу он так и не попал.

На наш взгляд, близость Абрамова в 1905 г. к революционному подполью сильно преувеличена. Он действительно сочувствовал деятельности эсеров и социал-демократов, поскольку у них были общие идеалы. Однако, будучи народником-реформатором, Абрамов не считал, что революционное насилие может стать в России главной движущей силой общественного прогресса. Программа преобразований, направленная на демократизацию существующего политического и экономического строя, должна поддерживаться большинством населения страны. Поэтому, убедившись в неготовности народных масс взять на себя ответственность за будущее страны и опасаясь повторения «пугачевщины», в конце ноября 1905 г. публицист выступил за скорейшее прекращение бунтов.

Я. В. Абрамов рассматривал события 1905 г. как кульминацию очередного этапа русского освободительного движения, начавшегося еще в 1861 г. Его основное содержание – борьба за изменение условий общественной жизни (расширение свобод). Интересно, что сам Абрамов о необходимости преобразования общественных форм как главной задаче момента заговорил только накануне революции 1905 г. Но это и понятно. Раньше народ был в политическом отношении пассивен, а без его поддержки все попытки добиться изменений в общественном строе были обречены на провал.

Описывая события 1905 г., Абрамов называет их не революцией, а «смутой», подчеркивая тем самым стихийный и крайне противоречивый характер происходящих в стране процессов. В рабочем и крестьянском движении публицист отмечает лишь первые проблески политического сознания (в лице Совета рабочих депутатов Петербурга и Всероссийского крестьянского союза). Широкие народные массы все еще не могли отличить «друзей» от «врагов». В этой неготовности народа довести свою борьбу за свободу до окончательной победы

публицист увидел главную особенность данного этапа противостояния власти. Тем не менее единственным средством преодоления «смуты» Абрамов считал установление народного представительства (по крайней мере, до 17 октября 1905 г.).

Итоговые оценки Абрамовым уступок, сделанных Николаем II осенью 1905 г., были крайне осторожны. Еще до поражения первой народной революции он отмечал, что конституционная реформа носила формальный характер. Делиться своей властью с представителями передовой общественности царь не собирался. Населению были дарованы свобода слова, печати и собраний, но гражданами простые люди так и не стали. Правда, на рубеже 1905 – 1906 гг. у Абрамова еще оставалась надежда на открытие Государственной думы, наделенной законодательной инициативой. Но и она будет распущена царем в июле 1906 г., проработав всего 72 дня. А в сентябре того же года после продолжительной болезни уйдет из жизни и сам Абрамов, так и не дожив до финала событий, которые некоторые его бывшие соратники потом все-таки назовут «великой русской революцией».

Библиографические ссылки

1. Абрамов Я. Аграрный вопрос // Приазовский край. 1906. № 40. 12 февр. С. 2.
2. Абрамов Я. В одну точку // Там же. 1905. № 91. 13 апр. С. 2.
3. А. (Абрамов Я. В.) Новая эра // Там же. 1905. № 256. 28 окт. С. 2.
4. А. (Абрамов Я. В.) Пробужденное сознание // Там же. 1905. № 179. 28 июля. С. 3.

5. Я. А. (Абрамов Я. В.) Наша внутренняя жизнь в 1905 году // Приазовский край. 1906. № 4. 5 янв. С. 2.
6. Абрамов Я. Интеллигенция и народ // Там же. 1905. № 78. 30 марта. С. 2.
7. Абрамов Я. Когда же мы будем гражданами? // Там же. 1906. № 65. 10 марта. С. 2.
8. Абрамов Я. Личность в истории // Книжки «Недели». 1896. № 5. С. 164 – 175.
9. Абрамов Я. От слов к делу // Приазовский край. 1905. № 94. 16 апр. С. 2.
10. Абрамов Я. Правопорядок и «смута» // Там же. 1905. № 157. 1 июля. С. 1.
11. Абрамов Яков Васильевич : биобиблиогр. указ. (1880 – 2017 гг.) / сост. Г. Н. Мокшин. Воронеж, 2017. 212 с.
12. Абрамов Я. Равнодушие ли? // Приазовский край. 1905. № 86. 7 апр. С. 1.
13. Громова Е. Б. Я. В. Абрамов : документальная память // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под ред. В. М. Головки. Ставрополь, 2013. С. 224 – 249.
14. Новак С. Я., Кемпинский Э. В. Общественно-политическая деятельность Я. В. Абрамова в конце XIX – начале XX вв. // Там же. С. 150 – 161.
15. Новак С. Я. Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 80 – 85.
16. Северный Кавказ. 1905. 29 нояб. С. 2.
17. Северный Кавказ. 1905. 21 дек. С. 2.
18. Судацков Н. Д. Я. В. Абрамов – гласный Ставропольской городской думы // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под ред. В. М. Головки. Ставрополь, 2013. С. 162 – 187.
19. Фурсов А. Смуты и революции : диалектика внутреннего и внешнего // Обозреватель-Observer. 2012. № 3. С. 22 – 35.

E. I. Gavrilova, G. N. Mokshin

**Y. V. ABRAMOV ON THE EVENTS OF 1905
AND WAYS TO OVERCOME THE “TROUBLES”**

The article is devoted to the study of the views on the 1905 revolution of one of the prominent theorists of late populism, Y. V. Abramov. The article reconstructs, on the base of the analysis of the journalist's articles and notes in the provincial press, his understanding of the reasons of unexpected rise of Russian liberation movement in the beginning of the 20th century, particular features of its development and the results, reached by the beginning of 1906. Abramov's program of overcoming the internal political crisis, reached in Russia, is considered. The author specifies the reasons why Abramov prefers to call the events of 1905 “troubles” instead of revolution.

Keywords: Y. V. Abramov, Populists, Revolution of 1905, “Troubles”, Manifesto of October 17, 1905, Stavropol.

**«СЛУХИ ТРЕВОЖНЫЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА...»: ПИСЬМА
А. А. СПИЦЫНА С. Ф. ПЛАТОНОВУ (1911 – 1927 гг.)**

Завершается публикация эпистолярного пласта выдающегося российского археолога А. А. Спицына своему многолетнему близкому другу С. Ф. Платонову, с которым он активно и плодотворно сотрудничал в ряде научных обществ столицы. Письма охватывают значительный хронологический период – с 1911 по 1927 г. Проведены параллели профессиональной и организаторской деятельности крупнейших ученых. Рубежным годом этого периода является 1917 г. Именно с советским временем связан пик их научной карьеры: С. Ф. Платонов стал академиком, А. А. Спицын – членом-корреспондентом АН. 1927 г. стал временем завершения преподавательской деятельности в Ленинградском университете. После чего начинается путь обоих к трагической развязке.

Ряд событий из семейной жизни в письмах получают дополнительную детализацию. Значительный эпистолярный источник представляет собой замечательный документ, повествующий и наполняющий новым содержанием развитие науки в переломные моменты истории, место и роль в этих процессах столь знаковых фигур.

Ключевые слова: А. А. Спицын, С. Ф. Платонов, организаторская деятельность, пик научной карьеры, эпистолярный пласт, жизненные параллели.

Эпистолярный пласт А. А. Спицына в последние годы активно изучается и, что важно, постепенно вводится в научный оборот, отдельные письма публикуются в приложениях статей [10]. В нашем случае завершается публикация комплекса писем патриарха российской археологии, сохранившихся в фонде его близкого друга академика С. Ф. Платонова. Дело объемное: включает 39 писем и записок, телеграмму, официальное заявление и текст доверенности. Хронологически (по сведениям архивиста, разбиравшего дело) они охватывают значительный период с 1911 по 1927 г. (но здесь находится и письмо № 21 (107) за 1899 г.), общий

объем папки составляет 48 л.¹ Конверты, имеющие маргиналии С. Ф. Платонова, порой важные, помещены без нумерации. Из этого объема ранее, с небольшими неточностями, были опубликованы два письма. Мелкий почерк А. А. Спицына местами трудночитаем, особенно часто эта проблема проявляется в окончаниях. На это обстоятельство обращала внимание известный археолог и историк Н. И. Платонова, опубликовавшая важные архивные материалы, касающиеся теоретических подходов А. А. Спицына к археологии как самостоятельной науке [12].

¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 1 – 48.

К большому сожалению, ответных писем не сохранилось. Есть сведения, что личный архив учёного погиб во время блокады Ленинграда: в дом, где он находился, попала бомба. Можно также предположить, что в период «Академического дела» письма были уничтожены самим А. А. Спицыным. Такое было не редкостью: например, так поступил А. И. Маркевич – крымский краевед, С. В. Бахрушин – будущий член-корреспондент АН СССР, Б. Д. Греков – будущий академик. Поэтому большую ценность представляют выявляемые, хотя и единичные, письма замечательного археолога. Так, Е. Ю. Захарова обнаружила письмо С. Ф. Платонова, датированное 4 июля 1909 г. из Валук [4].

Укажем на некоторые параллели в научной карьере, организаторской и преподавательской деятельности двух друзей в названный временной период. Известны многочисленные контакты С. Ф. Платонова с представителями царствующей династии: в течение ряда лет он (1895 – 1902) преподавал русскую историю великим князьям, был директором Женского педагогического института (1903 – 1916), где почетным попечителем был великий князь Константин Константинович. Председателем Русского исторического общества, членом которого был и С. Ф. Платонов, являлся великий князь Николай Михайлович. На заседании Русского военно-исторического общества в 1913 г. на лекции учёного присутствовал император.

С 1916 г. произведенный в действительные статские советники А. А. Спицын получил право представлять государю особо ценные археологические артефакты.

В советские годы оба ученых достигли пика своей карьеры, свидетельством тому является избрание в 1920 г. С. Ф. Платонова академиком, позже он возглавит Библиотеку АН, Пушкинский дом, в 1929 г. займёт пост академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и войдёт в президиум Академии. А. А. Спицын в 1927 г. стал членом-корреспондентом АН СССР. Примечательно, что С. Ф. Платонов был среди составителей необходимой в таком случае «Записки» [11]. Все исследователи сходятся во мнении, что эти официальные признания произошли с большим опозданием.

В 1918 г. С. Ф. Платонов стал первым избранным председателем Археологической комиссии, а А. А. Спицын в этом же году был назначен старшим членом Археологической комиссии.

Большим событием в историографии следует считать выход известного сборника трудов, посвящённого С. Ф. Платонову [13]. Среди авторов был и А. А. Спицын.

Опубликованные письма Н. Е. Макаренко – ученика А. А. Спицына – к финскому археологу А. М. Тальгрёну [6] позволяют проследить хронологию появления замысла и подготовки одного из номеров «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*», который готовился к 70-летию А. А. Спицына.

Появились и списки научных трудов [14]; правда, первый из них (С. Ф. Платонова), составленный Романовым, был далеко не полным и позже дополнялся [15; 16], а списки научных трудов А. А. Спицына были изданы только в 1948 г. [17] к 90-летию со дня рождения.

В 1927 г. оба корифея теперь уже советской науки прекратили преподавание в Ленинградском государственном университете. А вскоре начинается полоса гонений, связанных с началом «Академического дела» [2]. В это время С. Ф. Платонов подаёт в отставку со всех постов учреждений Академии наук. 12 января 1930 г. он был арестован.

Судьба была также неблагоприятна и к А. А. Спицыну, хотя до ареста дело не дошло. Известно, что в 1924 г. его отстранили от руководства Археологическим кабинетом университета, а в ноябре 1927 г. перевели из профессоров на должность доцента (это один из способов давления на представителей старшего поколения ученых), что явилось причиной выхода его на пенсию. За полгода до смерти (в декабре 1930 г.) А. А. Спицына уволили из ГАИМК. Все перечисленные обстоятельства приближали трагический исход. Вот как об этом писал Н. Е. Макаренко в феврале 1930 г.: «В ноябре 1929 г. был в Петербурге. Бедного А. А. уволили со всех учреждений. Человек, еще полный сил и знаний, вынужден быть за бортом. Жалко» [6, с. 406].

Известна последняя характеристика С. Ф. Платоновым близкого друга, разменявшего восьмой десяток. В

списке лиц, который был предъявлен теперь уже академику-узнику, напротив фамилии А. А. Спицына он написал: «Оригинальный характер: резкая индивидуальность; большой ученый, полное отсутствие интереса к общ[ественно]-политическим вопросам. В “Союзе” (вымышленный Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России – В. М.) не был; лично со мною в большой дружбе» [3, с. 421]. Это была попытка оградить престарелого и уже больного друга от ареста.

В письмах затрагивались темы итогов археологических раскопок (во Пскове, Новгороде, Саратове); упомянуто важное событие для региональной научно-просветительской жизни – Тверские церковно-археологические курсы, проходившие летом 1912 г., где одним из организаторов и участников был С. Ф. Платонов. Он же подбирал и лекторов, среди которых были молодые исследователи Н. П. Сычѳв, Н. Л. Окунев, В. К. Мясоедов, Н. М. Каринский. Подробности подготовки мероприятия нашли отражение в переписке С. Ф. Платонова и И. А. Иванова – председателя Тверской ГУАК [1, с. 162, 163, 164]. В ней же обращается внимание на проблему окрашенных костяков, которая занимала А. А. Спицына многие годы [18; 19].

Среди новых тем – работа Археологического кабинета, учрежденного в 1910 г. как отделение Исторического семинария на историко-филологическом факультете. Уточняются и дополняются деталями некоторые сюжеты кон-

фликта А. А. Спицына с В. Саханевым. На этом фоне прослеживается определенное недовольство со стороны С. Ф. Платонова решениями А. А. Спицына по отношению к студенту.

Важнейшим событием для А. А. Спицына была поездка в Стокгольм на международный археологический конгресс, что свидетельствовало о широком авторитете российского археолога за пределами нашей страны. С. Ф. Платонов не раз бывал в заграничных командировках, в том числе и в 1928 г. на Русской неделе в Германии, где выступал с докладом «Проблема русского севера в новейшей историографии» [7].

Летнее время предназначалось не только для отдыха, прогулок на природе, но и для активной творческой работы. Письма позволяют конкретизировать её ход и результаты.

Небольшое письмо (№ 31) важно для раскрытия подходов А. А. Спицына к научной объективности и принципиальности. Он просит дружеского совета о том, как поступить, у С. Ф. Платонова.

Историографический интерес представляет упоминание о В. Т. Илларионове – будущем основоположнике нижегородской историографии, правда, без указания его имени. Этот сюжет связан с перепиской молодого ученого, активного сотрудника Нижегородской НГУАК, позже НАЭК, с С. Ф. Платоновым [8; 9]. 10 марта 1927 г. из Нижнего Новгорода ему адресовано письмо, содержание которого было важным для корреспондента, работавшего над

книгой «Русская мысль в области исследования культуры доисторического человека». Он просил помощи у академика в возможности закрепиться на кафедре доисторической археологии ЛГУ. С. Ф. Платонов обратился за советом к А. А. Спицыну, который и направил свое мнение, где дал лаконичную оценку труду В. Т. Илларионова, его подготовке, личным качествам и предложил обратиться в Московский университет. Примечательно, что письмо А. А. Спицына С. Ф. Платонову датируется 1 апреля, в этот же день был написан краткий ответ в Нижний Новгород, где повторяется мнение выдающегося археолога. На этом В. Т. Илларионов прекратил попытки закрепиться в Ленинграде, но много лет спустя он все-таки защитил докторскую диссертацию в этом городе. Письмо А. А. Спицына позволяет исправить заблуждение Н. В. Ивановой, писавшей, что научные интересы вывели В. Т. Илларионова на «контакты» [5, с. 136] с целым рядом ученых с мировыми именами, среди которых упомянуты А. А. Спицын и П. П. Ефименко. Для аргументации ошибочного мнения сошлёмся на фрагмент из письма В. Т. Илларионова, адресованного С. Ф. Платонову: «Должен сознаться перед Вами, что выучка у меня плохая: Нижегородское отделение Московского археологического ин[ститу]та я окончил, когда к учащимся предъявлялись весьма пониженные требования. Но тем не менее меня увлекла доисторическая археология, собственно палеолит и неолит. Чрезвычайная

перегруженность общественной деятельностью всегда отвлекала меня от этого интереса и, наконец, привела к решению «уйти в науку». Я подал в к[омис]сию по подготовке научных работников при президиуме Государственного ученого совета ходатайство о назначении меня штатным аспирантом по кафедре доисторической археологии при Ленинградском ун[иверсите]те (специально по палеоэтнологии). Возможно, что назначение это воследует: экзамен по марксизму, наверное, выдержу. Но вот в чем вопрос: до подачи документов в ГУС я не имел возможности поговорить (списаться) о деле с А. А. Миллер, А. А. Спицыным или П. П. Ефименко, с которыми, кстати, и незнаком. Академически эдак нельзя поступать. И вот тут – надежда на Вас!» [8].

О желании помочь своим ученикам, землякам свидетельствуют просьбы к С. Ф. Платонову. Они позволяют лишний раз убедиться в замечательных чертах характера выходца из Вятской земли.

Немало места в письмах уделено семейным вопросам, прежде всего, заботе о детях, их занятиях (например, с сыном он занимается латинским языком).

Начавшиеся в юности отношения между С. Ф. Платоновым и А. А. Спицыным прошли испытание временем. Опубликованный эпистолярный пласт последнего позволяет в полной мере проиллюстрировать их многовекторную совместную профессиональную и организаторскую деятельность, дружбу семьями, личные доброжелательные отношения. При этом обращения, даже в быту, оставались уважительными, на «вы». А. А. Спицын всегда признавал руководящую роль своего друга в силу его авторитета и административного положения, оставаясь непревзойденным специалистом в области археологии. Плодотворная совместная деятельность, например в Русском отделении, способствовала активной издательской деятельности, регулярности проведения заседаний и отбору интересных докладов, в основе которых лежали материалы, полученные в результате археологических раскопок.

Тексты писем приводятся в соответствии с современными правилами и нормами орфографии и пунктуации, с сохранением стилистических особенностей. Нумерация двойная: первая цифра указывает на номер в папке, вторая – на общее количество.

Приложение

Письма А. А. Спицына С. Ф. Платонову (1911 – 1927)

№ 1 (87)

У Олечки скарлатина легкая. Кажется, уже подсыхает. Спицын¹.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 1

¹ Текст телеграммы. Дата на бланке 17.1.1911.

Дорогой Сергей Федорович!

Поздравляю Вас с возвращением в лоно семьи и на отдых. Мы со студентами съездили очень хорошо – и дружно, и полезно, с разнообразными дорожными приключениями. Псков более заполнил мне археологически сердце, чем Новгород. Он набит древностями и живописью.

Теперь, отдохнув неделю, я принялся за свои летние работы – университетский курс¹ и Архангельские церкви²; последнее для денег, первое для души. Курс идет с чрезвычайной трудностью и запинаниями.

Пока стою в начале. Погода здесь переменная, и мы пока еще мало где были в окрестностях. Начали с Мишей латынь, Олечка имеет маленькую практику в немецком языке. Ждем в очередь ягод и грибов, и важного времени экскурсий по окрестностям. В Везо почти все то же: открыто почтовое отделение, на общее диво и удовольствие. Лена без меня скучала, но теперь все вошло в норму.

Сейчас Везо переживает потрясение. Вчера утонула дочь дачника – директора гимназии Кондратьева, в его отсутствие, взрослая, его ближайший друг, веселая и отважная. В бухте было волнение, а она на это не посмотрела, отправилась в Любинем и уже не возвращалась. Селиб отправился за нею почти следом, но поймал лодку уже пустую, перевернувшуюся. Возможно, что завтра девочку³ уже прибьет к берегу.

История Hallström'a⁴ мне хорошо известна. Тревога Ревы⁵ пустяшная и не заслуживает внимания, но раскопки православного кладбища (если оно православное) – дело другое. Я проектировал произвести дознание и затем потребовать, чтобы кости были похоронены вновь в Стокгольме. Мой проект ответа на бумагу Шидловского⁶ был доложен в мое отсутствие, не получив полного одобрения, и проект взялся написать сам, да так это дело и осталось неконченным. Теперь подвину его вновь.

¹ Спицын А. А. Русская историческая география. Учебный курс. Петроград, 1917. 68 с.

² Спицын А. А. Описание памятников русской архитектуры по губерниям. Архангельская губерния (г. Архангельск. Архангельский уезд. Кемский уезд) // ИАК. СПб., 1911. Вып. 39. С. 102 – 162 ; Его же. Описание памятников архитектуры. Архангельская губерния (Уезды: Кольский, Мезенский, Онежский, Печорский, Пинежский, Холмогорский и Шенкурский) // ИАК. СПб., 1911. Вып. 41. С. 78 – 222.

³ Слово написано над зачеркнутым *её*.

⁴ Халльстрём Густав Аксель (1880 – 1962) – шведский археолог и фотограф, профессор Стокгольмского и Упсальского университетов. Халльстрём совершил несколько экспедиций по северу Скандинавии, Кольскому полуострову, Центральной России и Сибири.

⁵ Рева Константин Павлович (1866 – 1942) – археолог, этнограф, музейный работник.

⁶ Шидловский Александр Фёдорович (1863 – 1942) – государственный и военный деятель; вятский вице-губернатор в 1906 – 1907 гг., губернатор Олонецкой и Архангельской губерний, видный краевед и библиограф Русского Севера. С 1918 по 1929 г. работал в Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) при Академии наук (Кораблёв Н. А., Мошина Т. А. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы : биограф. справ. Петрозаводск : Строительный стандарт, 2012. С. 125 – 130).

Будьте здоровы и отдыхайте. Кланяюсь Н[адежде] Н[иколаевне]¹, целую Вас и всех Ваших, а также и Татьяну Александровну², которой мы все желаем доброго здоровья.

Ваш А. Спицын. Везо. 1911. VI/21.

Нашему отважному коту в Петербурге серый кот глаз выцарапал, но все же он видит и раненым. Зато он здесь чист и весел! Над окном у нас гнездо и писк птенчиков. У кота так хвостик и виляет.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 2 – 3

№ 3 (89)

Дорогой Сергей Федорович!

Моя бывшая ученица, ныне И. А. Новоселова³, из Котельнича Вятск[ой] губ[ернии], просит меня походатайствовать за её дочь, которой хочется поступить в Педагогический Институт⁴. У неё золотая медаль, но нет отметки по языкам, хотя она ими и занималась. Просьба состоит в том, чтобы ей было разрешено представить отметку в течение первого года или полугодия. Пожалуйста, сообщите мне, в какой мере это было бы возможно. Дочь я не знаю, а мать была добросовестною ученицей. Ваш А. Спицын. Везо. 1911. VII/1.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 4

№ 4 (90)

Дорогой Сергей Федорович!

Мы только что отвели свинку (у Олечки), не заразив ни себя, ни кого-либо из детей. Ребятам было скучновато, зато сейчас прыгают прямо через заборы и деревья. Сейчас здесь ясно и жарко, и мы усердно купаемся. Жаль, что нет грибов. Занятия мои идут туговато, но латинские склонения и спряжения виляем с Мишей впрямь и вкось.

Пишу Вам собственно потому, что получил прилагаемое письмо от своей ученицы. Я ни о чем не прошу Вас, но меня за сердце задел её мотив, ради которого она желала бы поместить свою дочь у Вас.

Крепко Вас целую и желаю здоровья. Ваш А. Спицын. Везо. 1911. VII/22.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 5

¹ Жена С. Ф. Платонова.

² Контендантова (ур. Хрисанфова) Татьяна Александровна (1836 – 1918) – сестра матери С. Ф. Платонова, его тётя.

³ Здесь и далее не оговорённые подчеркивания сделаны А. А. Спицыным.

⁴ Женский педагогический институт, директором которого был С. Ф. Платонов в 1903 – 1916 гг.

№ 5 (91)

Дорогой Сергей Федорович!

Два дела: 1) Не нужен ли Институту недурной клад из псковских монет московского чекана и отчасти из рязанского, ценою 10 – 15 р. Сообщите по телефону.

2) Вас будет завтра беспокоить студ[ент] Саханев¹, о котор[ом] я Вам говорил, и Вы разрешили к Вам явиться. У него сейчас критический момент по вопросу о дальнейшем пребывании в Университете. Помогите ему добрым советом. Ваш А. Спицын. СПб. 1911. IX/12.²

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 6

№ 6 (92)

Дорогой Сергей Федорович!

Не найдете ли Вы возможным ходатайствовать пред Историко-филологическим факультетом о назначении особого штатного библиотекаря для Археологического отделения Исторического семинария. При таком библиотекаре (он же консерватор) было бы обеспечено постоянное дежурство в Кабинете и облегчен успешный и правильный его рост; как книги, так и вещи требуют постоянного и ответственного ухода. Кроме того, при Кабинете желательно иметь определенное лицо, которое находилось бы в постоянном общении с лекторами по научным запросам слушателей и практическим занятиям. Не могу свидетельствовать, что собрания Кабинета значительны, и тем не менее в нем уже имеются ценные специальные издания и коллекция вещей разнообразных культур. Имеется в виду довольно обильное поступление вещей от Императорской Археологической Комиссии. Преданный Вам, приват-доцент А. Спицын. СПб. 1912. IV/9.³

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 7 – 7 об.

№ 7 (93)

Спасибо, дорогой Сергей Федорович. Повидаюсь с Брауном⁴, как только стану выходить. Теперь мне лучше посидеть – у меня то же, что и у всех. Маничка у нас уже на ногах, Наденька близка к тому же. Ваш А. С. СПб. 1912. V/6.⁵

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 8

¹ Саханев Всеволод Васильевич (1885 – 1940) – выпускник Санкт-Петербургского университета, член «кружка молодых историков». Во время эмиграции был научным сотрудником пражского Русского народного университета и Русского исторического заграничного архива; специалист по истории Подкарпатской Руси.

² Письмо на почтовой карточке.

³ Письмо впервые опубликовано в книге: Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете : историогр. очерки. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 248.

⁴ Браун Федор Александрович (1862 – 1942) – филолог-германист, историк, приват-доцент (с 1900 г. – профессор) Петербургского университета (1888 – 1920). В 1905 г. – первый избранный декан историко-филологического факультета, в 1906 г. – первый избранный проректор университета; профессор Лейпцигского университета (с 1922 г.), член-корреспондент АН (1927).

⁵ Письмо на почтовой карточке.

Дорогой Сергей Федорович!

Завтра Ваши именины. Поздравляю Вас и желаю доброго здоровья! Как-то Вы поживаете на жаре, хотя и у моря!¹ Здесь сейчас жарко, деревья никнут, никуда не хочется. А тоже море, да еще север.

Съездили мы в Саратов хорошо, хотя я и Лена с заботами. Раскопки дали неважные результаты, но зато музей я привел в порядок и сообщение сделал о музейных древностях. Там отличные любители археологии, и не жаль было за ними поухаживать. Ваше тверское письмо было получено и содержание оно сообщено Кудряшову² и Лаврову³. Последнего очень соблазнили остаться в Саратове или Самаре, но Университет дал ему лишь 30 р., и теперь Лавров мне пишет, что он на пути в Череповец. После себя я оставил своим 200 р., и они еще оставались в Саратове для продолжения раскопок.

Хорошо на Волге, и лучше всего подольше, где воды много и берегов меньше! Ехали мы удобно и улыбаючись. Ребята ехали сзади последними.

Теперь я сижу дома и готовлюсь в поездке, чтобы не осрамиться в Стокгольме⁴. Почти наверное едет со мной Тищенко⁵ во весь путь, и это мне очень удобно. Жаль только оставлять своих. Кажется, чем далее, тем более к ним привыкаешь.

Газет совсем не вижу и не знаю никаких новостей.

Целую Вас и детей, кланяюсь Н. Н. Ваш А. Спицын. Везо. 1912. VII/4.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 9 – 9 об.

Дорогой Сергей Федорович!

Привет Вам из Везо. Скоро увидимся. Мы будем дома 21-го вечером.

Г-жа Новоселова из Котельнича в письме от 8 авг[уста] пишет мне, что не получила уведомления о принятии дочери на курсы и бьет тревогу. Не откажите, пожалуйста, справиться, послано ли ей оное уведомление. Целую Вас. Ваш А. С. Законную сумму г-жа Новоселова на Бестужевские курсы давно внесла⁶.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 10

¹ В 1912 г. Платоновы отдыхали в Крыму, в Ялте.

² Кудряшов Константин Васильевич (1885 – 1962) – историк (сфера интересов – Россия X – XX вв., историческая география, картография), выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1911), где в 1923 – 1930 гг. был преподавателем.

³ Лавров Петр Алексеевич (1856 – 1929) – филолог-славист, профессор Новороссийского (Одесского) университета (1898 – 1900), Петербургского университета (с 1900 г.), член-корреспондент (1902), академик АН (1923).

⁴ Речь идет о поездке на международный археологический конгресс.

⁵ Тищенко Андрей Вячеславович (1890 – 1914) – историк, археолог.

⁶ Письмо на почтовой карточке. Дата установлена по штемпелю.

№ 10 (96)

Поздравляем Мишу и Вас и желаем тому и другому доброго здоровья.

Мы сегодня не будем у Вас и шлем привет Н. Н. и всем Вашим.

Просят произвести выборы в Русском Отделении А[рхеологического] О[бщества]. Реферат может быть мой «Змиевы валы»¹ и Романова² о какой-то московской колокольне.

Заседание удобно было бы, может быть, в Археологич[еском] кабинете Университета, где довольно тепло и имеется два помещения. Мои лекции I – II к. 1 ч. в пятницу. Сообразуйтесь только с своим временем. Кое-что еще, но это при свидании. Ваш А. С.

Заглавие темы Романова должно быть у Орбели³.

Повестное письмо С. Ф. Платонову.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 11 – 11 об

№ 11 (97)

4.11.[1903-04]

Дорогой Сергей Федорович!

Ко II-му вып. V-го тома З[аписок] Р[усского] О[тделения] имеется 6 таблиц. Нарочно пишу Вам это на записочке, что как-нибудь это не забылось. Ваш А. С.

Помета С. Ф. Платонова: «Антиминис»⁴.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4277. Л.12.

№ 12 (98)

25.11[19]12

Дорогой Сергей Федорович!

Я сейчас сообразил, что если Александров с такою же медленностью будет набирать протоколы (остается 1910, 1911 и 1912 г.), то кончит разве в феврале. Как бы нам не потерять своей суммы 1912 г.? Ваш А. С.

Сейчас получил Ваше письмо. Много лет здравствовать Вам и факультету! Подлинные протоколы сохранятся⁵.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 13

¹ Змиевы валы – народное название древних (предположительно со II в. до н. э. по VII в. н. э.) оборонительных валов по берегам притоков Днепра южнее Киева.

² Романов Константин Константинович (1882 – 1942) – русский советский архитектор, реставратор, исследователь архитектуры, археолог, этнограф, преподаватель. Являлся членом ряда научных обществ, профессор.

³ Орбели Иосиф Абгарович (1887 – 1961) – советский востоковед и общественный деятель, академик АН СССР (1935), академик АН Армянской ССР и её первый президент (1943 – 1947), в 1934 – 1951 – директор Эрмитажа.

⁴ Письмо на почтовой карточке. Год на штемпеле смазан, но содержание текста и указание на выпуск (Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества / ред. С. Ф. Платонов. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1904. Т. 5, Вып. 2. 150 с.) позволяют утверждать, что она относится к более раннему времени.

⁵ Письмо на почтовой карточке. Дата установлена по штемпелю.

Карандашные пометы С. Ф. Платонова:

1) Смета. 2) Ст[арая] Ладога. 3) Айналов¹. 4) Счет 646.05. 5) Обложка².

Дорогой Сергей Федорович!

Из тщательных расспросов А. П. Лебедянской³ я убедился, что обвинения Михалевского в общем вздорны. Остатков фрески было мало, осмотр их произведен добросовестно, и брошены были незначительные осколки. Ни о каком погублении фресок не может быть и речи. А. П. – защитница Репникова⁴, как Вы и сами легко можете убедиться. Я спроектировал для Репникова ответ, с которым он и должен явиться к Вам для одобрения, если сам найдет его удовлетворительным или подходящим.

Ему важно без Вас не делать ни одного шага.

Макаренко уверяет, что отброшенные куски были не малозначительны и имели изображения, но я склонен думать, что он преувеличивает, как бывало и в других подобных случаях. Сам же он говорит, что вообще же фрески в сравнении с сохранившимися такими, но в церкви не имеют никакой цены. Так его несравненно ниже, чем Михалевского.

Пишу это вам в дополнение. Ваш А. Спицын. СПб. 1912. XII/11.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 14 – 14 об.

8.3.[19]13

Дорогой Сергей Федорович!

Сообщение предлагает в Отделении Бернгард Эдуардович Петри⁵. Не откажите сами войти с ним в соглашение о времени. Телефон его 456.30, а в служебное время – телефон Археологич[еского] и Этнографич[еского]⁶ музея Академии наук. Н. И. В.⁷ очень доволен угощением и мечтает о повторении пиршества, хотя бы и в честь иного лица. Ваш А. С.⁸

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 16

¹ Айналов Дмитрий Власьевич (1862 – 1939) – русский и советский историк искусства, член-корреспондент Петербургской АН (1914).

² Пункты 2 и 5 зачеркнуты.

³ Лебедянская Александра Петровна (1888 – 1965) – историк, археолог, исследователь истории русской артиллерии, памятников украинского искусства.

⁴ Репников Николай Иванович (1882 – 1940) – археолог, историк. Сотрудник Этнографического отдела Русского музея и Института археологии РАН. О раскопках в Старой Ладоге см.: Репников Н. И. Раскопки в городище Старой Ладоги. Отчет о работах 1909 – 1913 гг. // Старая Ладога. Л., 1948. С. 11 – 70.

⁵ Петри Бернгард Эдуардович (1884 – 1937) – советский этнограф и антрополог.

⁶ Слово вставлено сверху строки.

⁷ Веселовский Н. И.

⁸ Письмо на почтовой карточке. Дата установлена по штемпелю.

№ 15 (101)

Дорогой Сергей Федорович!

Сегодня очень вспоминаю Вас и Вашу давнюю дружескую услугу мне. Целую Ниночку, которую Вы тогда для меня оставили. Ваш А. Спицын.

Везо. 1913. V/17.

Здесь и солнышко, и холодно, и очень хорошо. Мы все благополучны и ничего не делаем.

Просматривал книжку Беляева¹ и убеждаюсь, что Новгород был полон убежденных поклонников единодержавства суздальского типа.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 17

№ 16 (102)

10.IX.[19]13

Дорогой Сергей Федорович!

Каминский сдал в типографию 760 экз. Значит, доведется недостающие экз[емпляры] отыскивать в типографии, где я сегодня был, но не застал М. А. Александрова. Если таблицы исчезли, все же легко их напечатать, так как бланки сохранены. Ваш А. С.

Сейчас напишу Александрову².

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 18

№ 17 (103)

Дорогой Сергей Федорович!

Я не мог отнестись к работе Н. Е. Макаренка по существу и исполнил лишь корректуру её, чтобы не допустить в ней искажений и кое-что сгладить.

Теперь налицо 3 корректуры: 1) Типографская, 2) Макаренка, 3) Моя. Дело редактора ими всеми воспользоваться.

Не знаю, что именно г. Башмаков предполагал найти во введении, но полагаю, что большего Макаренка не может дать. Ваш А. С. СПб. 1913. XII/20.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 19

№ 18 (104)

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1914»

Дорогой Сергей Федорович!

Согласно Вашему разрешению, мною заказаны остальные VII таблиц для изготавливаемого выпуска по цене приблизительно 30 р. за таблицу.

¹ Беляев И. Д. История Новгорода Великого от древнейших времен. М. : Синодальная библиотека, 1866. 582 с.

² Письмо на почтовой карточке. Дата установлена по штемпелю.

Но вчера получен счет на 150 р. от цинкографа, непредвиденный, который необходимо оплатить.

Итак, жду Вашего дополнительного распоряжения: не отменить ли данный заказ на 7 таблиц? Может едва ли согласиться ждать до января. Судя по тому, как идет набор, едва ли типография изготовит весь выпуск к январю (15 – 16 листов), значит, если Вы пожелали бы сохранить остаток в своем распоряжении, то отложить заказ на последние таблицы было бы необходимо, а это вполне возможно.

Я было хотел зайти к Вам сейчас, но здесь Миша, и значит, удобно послать это письмо.

Дела мои в Институте протекают вполне благоприятно.

Целует Вас Ваш А. С.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 20 – 20 об.

№ 19 (105)

Дорогой Сергей Федорович!

Я был сегодня в Археолог[ической] Комиссии, чтобы поговорить с Вами по телефону, но оказались налицо сторонние уши.

Вы меня вчера очень смутили, сказав, что в этой маленькой истории может быть речь о превышении мною власти. Смею Вас уверить, что в разговоре с Саханевым я не допустил и намека на то, что ему следовало бы оставить Кабинет¹. Он мне сдал книги по собственному почину и доброй воле, увидев, что так будет лучше. Нашему разговору есть свидетели, и я их Вам могу представить, если слова моего недостаточно. Мне оставалось сообщить о факте Вам, что я и сделал немедленно, и получил от Вас распоряжение: «Не будем торопиться». Ни с кем переговоров о заведывании Кабинетом без Вашего слова и согласия я, конечно, не вел и вообще все находится в Вашем распоряжении.

Я рад, как ребенок, что Саханев ушел. Он держался ко мне прямо вызывающим образом, ни в полущку меня не ставил. Мне не следовало его так баловать. *Mea maxima culpa!*² Если бы Вам понадобились доказательства, что Саханев относился ко мне неуважительно, обещаю их Вам доставить. Он не воздерживался от дерзостей даже на лекциях. К Вам-то он обернут ангелом, а я выношу совсем иные его свойства. Нет человека, который мне столько испортил бы крови. А я его и терпел, не желая его ставить между собою и Вами, из жалости к нему самому.

Вспоминать старое – перебирать грязное белье. В этой истории пожалейте не его, человека с воловьими нервами, а меня, живо на все реагирующего.

Отдавая ключи, Саханев мне сказал: «Я не очень нуждаюсь в Кабинете». Вот именно Кабинет-то никогда в нем не нуждался. Все там сделано мною и

¹ Речь идёт об Археологическом кабинете.

² Моя величайшая вина (лат.).

Тищенко. Саханев даже не дежурил. Книги он брал без учета, и недавно вернул груду их, взятых без всяких расписок. Казенный фонарь до сих пор у него на дому, и мы пользуемся Айналовским.

Будет. Целует Вас с просьбою о снисхождении к своей слабости Ваш А. Спицын. СПб. 1915. II/22.¹

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 21 – 22

№ 20 (106)

Дорогой Сергей Федорович!

Верочка уже прошла в Русском Отделе на средний оклад (930 р.). Отдел надеется, что Вы возьмете на себя руководство её работой. Предположенная тема её – биографии для словаря, а может быть избрана и иная. Целует Вас А. Спицын².

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 23

№ 21 (107)

Дорогой Сергей Федорович!

Тема другого реферата на вторник «Отчет В. Н. Глазова о раскопках в Псковском и³ Гдовском у[езде] 1899 г.»⁴.

Я готовлю извлечение из отчета⁵, Вы его прочтете (не упоминая, что это моя работа – надоело выставлять свою фамилию).

Н. И. Веселовский⁶ имеет тему о крашенных костяках⁷, но говорит, что нужна для неё подготовка. Браун не в духе, и вряд ли можно на него рассчиты-

¹ Письмо впервые опубликовано в книге: Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете : историогр. очерки. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 249.

² Письмо без даты.

³ Далее *новгородском* зачеркнуто.

⁴ Глазов Владимир Нилович (1862 – 1933) – археолог-любитель, член-сотрудник Императорского Русского археологического общества (1900) и Археологического института (Санкт-Петербург). Земский начальник Гдовского уезда. Указанное сообщение было сделано 21 декабря 1899 г. (ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.1. Д. 886. Л. 33). Отчёт был опубликован (Отчет о раскопках, произведенных в 1899 г. в Псковском уезде // Записки Отдела русской славянской археологии. СПб., 1903. Т. V. С. 67 – 76).

⁵ На эту тему А. А. Спицын опубликовал работу (Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова // Материалы по археологии России, издаваемые императорской археологической комиссией / обраб. А. А. Спицын. СПб. : Типография Главного Управления Уделов, 1903. № 29. 124 с.).

⁶ Веселовский Николай Иванович (1848 – 1918) – археолог и востоковед-арабист, тюрколог, профессор Петербургского университета (с 1884 г.), управляющий Восточным отделением Императорского Русского археологического общества (1908 – 1918), председатель Отделения этнографии Императорского Русского географического общества (1887 – 1910), директор Петроградского археологического института (1916 – 1918), член-корреспондент АН (1914).

⁷ С докладом на эту тему Н. И. Веселовский выступал 21 января 1900 г. (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 887. Л. 1).

вать. На мой запрос он отвечал очень уклончиво. Господь с ним – с Брауном! Спросите о нём в понедельник у В. Г. Друж[инина]¹ и Веселовского.

Наши гости вчера уехали. Скучаем по Вас и Вашим, и мы на неделе непременно попадём к Вам. Целую Вас и детей. Ваш А. Спицын.

На статью Маркова² надежда плоха: Иверский³ сопротивляется. Маркова я видел дважды, но во второй раз мы оба уже не затрагивали темы о статье.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 24

№ 22 (108)

Дорогой Сергей Федорович!

Кажется, лучше бы держаться общей нумерации рисунков в тексте, как уже и начато для первых статей.

Сегодня я не приду, главным образом потому, что у меня рабочее настроение, а что Розен⁴ будет, то тем хуже, мне приятнее оставаться с детьми дома. Вероятно, зайду завтра, в воскресенье, к обеду и принесу Вам первые статьи из своего запаса. Ваш А. Спицын⁵.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 25

№ 23 (109)

[1912]

Дорогой Сергей Федорович!

От Вашего имени я прошу Б. В. Фармаковского⁶ посылать повестки на заседания Русск[ого] Отдел[ения] трем лицам: Романову (архитектору), Грекову⁷ и Гамченку⁸, нашим будущим докладчикам. Ваш А. С.⁹

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 26

¹ Дружинин Василий Григорьевич (1859 – 1936) – историк, археограф, правитель дел (1903 – 1926), товарищ председателя Археографической комиссии (1926 – 1929), член-корреспондент АН (1920), близкий друг С. Ф. Платонова.

² Марков Алексей Константинович (1858 – 1920) – крупный русский археолог и нумизмат. С 1888 г. работал в Отделе нумизматики Эрмитажа, а с 1900 г. – его руководитель, член-корреспондент ИАК с 12 апреля 1907 г.

³ Речь идет или о фамилии, или о названии темы работы.

⁴ Розен Виктор Романович (1849 – 1908) – русский востоковед-арабист, академик Петербургской Академии наук (1890), вице-президент (1900) АН, профессор арабской словесности в Санкт-Петербургском университете.

⁵ Письмо без даты.

⁶ Фармаковский Борис Владимирович (1870 – 1928) – российский историк искусства и археолог, историк Античности. Специалист в области античной археологии и античного искусства. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1914). В начале XX в. произвёл большие раскопки древнегреческой Ольвии.

⁷ Греков Борис Дмитриевич (1882 – 1953) – советский историк и общественный деятель, академик (с 1 июня 1935 г.). Вероятно, речь идёт о докладе 23 апреля на тему «Приказы Новгородского Софийского Дома XVII в.» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 889. Л. 8).

⁸ Гамченко Сергей Свиридович (1859 – 1934) – российский и советский археолог, один из основателей Общества исследователей Волыни. Член-корреспондент Киевского товарищества древностей и искусства, член Исторического общества Нестора-летописца, член Русского Археологического общества (с 1906 г.).

⁹ Письмо на почтовой карточке, без даты.

№ 24 (110)

Г[осподину] Заведующему Археологическим кабинетом Императорского Петроградского Университета.

Имею честь уведомить Вас, что хранитель Археологического кабинета В. В. Саханев 17 февраля настоящего года сдал мне ключи от шкафов Кабинета, отказываясь таким образом от дальнейшего исполнения своей обязанности. Так как дальнейшее приведение Кабинета в порядок требует экстренных и умелых усилий, для которых едва ли найдутся лица в студенческой среде, то я позволил бы себе предложить через Вас факультету свои услуги по заведыванию Кабинетом на настоящий год с тем, чтобы образуящуюся экономию в 150 р. обратить на переплет книг.

Приват-доцент А. Спицын. Петр[оград]. 1915. П/22.¹

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 27

№ 25 (111)

24.2.[19]15

Спасибо, дорогой Сергей Федорович!

Дезинфекция у нас в субботу и воскресенье. Эти дни идет усиленное приведение Кабинета в порядок. Ребятишек уже вторую неделю и Вас крепко целует Ваш А. Спицын².

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 28

№ 26 (112)

Дорогой Сергей Федорович!

«Строгая совесть» – одна прелесть! Нельзя сказать счастливые.

Вы мне доставили корректуру старую, которую я Вам отправил для полноты редакторского экземпляра корректур. Вам пришлют теперь последнюю, которую, вероятно, не будет надобно посылать мне.

«Мой друг» А. Ал. – не лучше ли исключить? Это промеж нами. Оный Вас крепко целует.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1915».

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 29

№ 27 (113)

Дорогой Сергей Федорович! Оказалось, что у меня нет Вашего университетского курса, а между тем для составления историко-географ[ических] карт

¹ С некоторыми неточностями письмо впервые опубликовано в книге: Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете : историогр. очерки. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. С. 249 – 250.

² Письмо на почтовой карточке.

именно его-то мне и нужно. Если он у Вас есть, не откажите меня оным снабдить. Манечка могла бы его принести. Ваш А. С.¹

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 30

№ 28 (114)

Дорогой Сергей Федорович!

Много лет Вам здравствовать за Ваши хлопоты о Суворовой. Я попрошу её повидаться с Вами. На всякий случай посылаю Вам проект прошения Директору.

Отсылаю корректуру в типографию Скороходова. Приметьте, что у рисунка чаши нет номера: его надлежит выставить Вам, когда будете подписывать лист к печати.

Присылаю листочек для пополнения утраченного старого протокола. О нем просил меня С. М.²

Целует Вас Ваш А. Спицын³.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 31

№ 29 (115)

Дорогой Сергей Федорович!

Сутулло⁴ ошибся и ввел меня в заблуждение относительно денежного наследства от Я. И. Смирнова⁵.

Кроме уплаты по счету Прокуд[ина]-Горского⁶ еще надо иметь в виду рисунки Сибирских писаниц⁷. Сегодня я уплатил за них 28 р., да еще придется выплатить 40 – 50 р. до января.

Мне помнится, что Смирнов уже оплатил часть этого тома, и думаю, что оставшейся суммы хватит с излишком.

Фармаковский мне говорил, что Смирнов ликвидировал окончательно дело с изданием Лихачевского труда уплатою этих 300 р., о которых забыл Сутулло. Целует Вас Ваш А. Спицын⁸.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 32 – 32 об.

¹ Письмо на почтовой карточке. Дата установлена по штемпелю.

² Речь идет о С. М. Середонине.

³ Письмо без даты.

⁴ Сутулло Илья Семёнович (1859 – ?) – надворный советник. Сотрудничал с ИАК «по вольному найму» на канцелярской должности с 1883 г. В 1888 г. поступил в ИАК регистратором, затем получил должность делопроизводителя (1910).

⁵ Смирнов Яков Иванович (1869 – 1918) – русский археолог и историк искусства, ординарный академик Российской академии наук по Отделению русского языка и словесности (1917). Возглавлял Русское отделение после отказа С. Ф. Платонова с 28 ноября 1908 г. по 5 апреля 1912 г., так как 6 числа управляющим вновь избран С. Ф. Платонов.

⁶ Прокудин-Горский Сергей Михайлович (1863 – 1944) – русский фотограф, химик, изобретатель, издатель, педагог и общественный деятель, член ряда научных обществ.

⁷ Наскальные рисунки.

⁸ Письмо без даты.

№ 30 (116)

Дорогой Сергей Федорович!

28-го уже назначено Классическое Отделение¹. Нельзя ли 29-го? К. К. Романов согласен на всякий срок, а мне нельзя по пятницам.

Поморье кн. Путятина – мое.

Программу подпишите – так требует И. А. Орбели (и число припишите).

Карандашные пометы С. Ф. Платонова:

Воскр[есенье] 18 25 1 8

Пон[едельник] 19 26 21

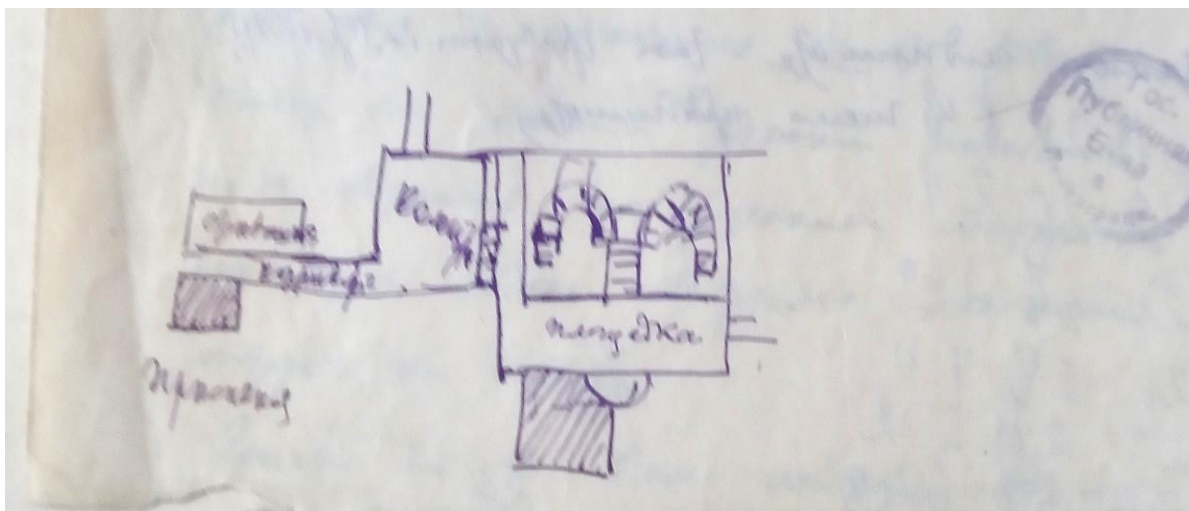
Вт[орник] 20 27 31

Ср[еда] 21 28 4 11

Ч[етверг] 22 29 5 12

П[ятница] 23 30 6 13

Суб[бота] 24 31

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 33 – 33 об.

№ 31 (117)

Дорогой Сергей Федорович!

И я к Вам со своей докукой. Написал я ответ на рецензию Могилянского², послал и получил от Радлова³ прилагаемое письмо. Если бы и Вы нашли, что рецензия не унижает моей профессиональной чести, то я отказался бы от ответа.

¹ Отделение Русского археологического общества.

² Могилянский Николай Михайлович (1871 – 1933) – этнограф, антрополог, журналист и педагог. Работал хранителем Музея антропологии АН. С 1908 г. – заведующий Этнографическим отделением Русского музея.

³ Радлов Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) (1837 – 1918) – русский востоковед-тюрколог, родом из Германии.

Ответ был такой: русский палеолит надо изучать на русском материале, держаться только Мортилье¹ – значит топтаться на месте.

Ежели да у Вас найдется время заглянуть в статью Могилянского², сделайте это для дружбы. Не найдется – напишу Радлову не печатать. Ваш А. Спицын. П[етроград]. 1916. IV/15.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 34

№ 32 (118)

18.12.[19]17

Дорогой Сергей Федорович!

В Русском Отделении не израсходовано 1490 р. с чем-то, да еще рублей 600 за книгу Лихачева. Совет не состоялся, да и кстати: успеете распорядиться своими суммами. Целует Вас А. Спицын³.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 35

№ 33 (119)

10.6.[19]18

Дорогой Сергей Федорович! Доехали, питаемся, дышим. Силы возвращаются не по дням, а по часам. Самое неприятное – потерял с возу Манечкину сумку с её вещами – так жалко девочку! Пока больше сидим дома – дождь. Впрочем, Лена и дети выходят за припасами. Вернулся Миша, съездивший в общем удачно. Скоро здесь будет новый хлеб и сравнительно дешевой цены⁴. Грибов нет, черники много, земляника прошла. Сегодня начал двигать и свою работу, пока сижу дома и не тянет в мокрый лес.

Так что мы не без надежд, о чем и сообщаю для вашего сведения. Крепко вас целует А. С.⁵

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 36

¹ Луи Лоран Габриель де Мортилье (1821 – 1898) – французский антрополог и археолог, один из основоположников современной научной археологии, создатель классификации каменного века; также считается одним из основателей французской школы антропологии.

² Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung, mit besonderer Berücksichtigung der anthropologischen Methoden für Studierende, Aerzte und Forschungsreisende. Vor D-r Rudolf Martin Em. O. O. Professor der Anthropologie und Director des Anthropologischen Institutes der Universität Zürich. Mit 460 Abbildungen im Text, 3 Tafeln und 2 Beobachtungsblättern. Jena. Verlag von Gustaw Fischer. 1914. На учебник появилась рецензия: Доклады, читанные в Русском антропологическом обществе 11 апр. 1915 г. / Н. М. Могилянский. Петроград: Типолитография «К. Биркенфельд», 1915. С. 117 – 126; учебник антропологии в систематизированном изложении с особым вниманием к антропологическим особенностям для студентов, врачей и исследователей. Переданные доктором Рудольфом Мартином, профессором антропологии и директором Антропологического института Цюрихского университета. С 460 иллюстрациями в тексте, 3 таблицами и 2 листами наблюдений. Йена: Изд-во Густава Фишера, 1914.

³ Письмо на почтовой карточке. Дата установлена по штемпелю.

⁴ Далее три слова неразборчиво.

⁵ Письмо на почтовой карточке. Дата установлена по штемпелю.

№ 34 (120)

Дорогой С[ергей] Ф[едорович]!

Лене пришла счастливая мысль – побыть Вам здесь хотя бы с недельку. Эту мысль я очень разделяю. Удобств никаких, но уверяю Вас, что Вы отдохнули бы и оправились в короткое время. Нужно ведь! С пищей устроимся, а остальное пустяки. Погода, кажется, разговляется, грибы есть, погулять можно и с М. Возьмите постельные принадлежности, пожалуй, свои, если вздумаете – сахар. Будет комната. Если нужна лошадь, напишите заранее. И лучше, если Вы выйдете на Разъезде (станц[ия] Подборовое) и пройдете 6 в. до нас, а то подождете паровика. Хотя удобно проехать в междунар[одном] вагоне, но тогда до ст. Заборье, тогда 12 в. до Верховья. Скорый на Разъезде не останавливается. Если можно, взяли бы то, что у нас на квартире в прихожей (l'herbe fumale¹), все или часть (всего 20 ф[унтов]). Не мешает разбить на пакеты. Ключ от квартиры у г-жи Шегопцовой (бывш. Трубецкая, д. 71 кв. 16). Хочется сказать: до скорого свидания! Ваш А. С. 1918. VIII 12/25. Привет всем Вашим.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 38

№ 35 (121)

Дорогой Сергей Федорович!

Мы это время поджидали Вас, да верно, не дождемся. Понимается так это. Вам не хочется оставлять в трудное время семью, да, наверное, и дела задержат. Послали бы хоть Мишу. Погода сверх ожидания, сейчас не из важных, но ведь это дело изменчиво. Кому из семьи нужнее, тот бы и пожаловал. Время здесь какое-то переходное. Мужики не знают, что запрашивать за хлеб и пока задерживают его, а урожай хороший.

Летними своими занятиями я не то чтобы очень был доволен, но все-таки немало преуспел. Задачи были такие большие, что, конечно, нечего многих успехов ожидать. В первый раз внимательно читал Ваш курс и нахожусь под его настроением. Вот теперь я понял, почему Вас лично более интересует новая история: в Вашем изложении тут очень отчетливо выступают и массы, и отдельные деятели, является полнота картины, какой не получишь никакими усилиями в старой истории. Как будто Вы ещё не воздали должного Мих[аилу] Фед[оровичу]². Мне представляется, что за его время государство замечательно отдохнуло и усилилось. Скорее всего, именно такое правление и требовалось в то время. Монументален Петр, очень хороши Елизавета и Екатерина, конспективно Александр и особенно Николай. На них как бы не хватило Вашей энергии. В общем книга включает огромное содержание, искусно избегая мелкого дел-

¹ Дымная трава (фр.).

² Первый царь из династии Романовых.

вого материала; все оное состоит без обозрений и оценок. Начал чтение я с Василия III, поинтересовавшись им со специальною целью, именно в направлении бояр. Вот государь, которого еще не научились ценить: именно на его долю выпало установить незыблемость самодержавия.

Немало и подумалось, да без источников мыслей не разовьешь. Вот Вам один курьез, заслуживающий быть отмеченным на лекциях.

«Нам бо во юности детства играюще, а кн. И. В. Шуйский сидит на лавке, локтями опершись, отца нашего о постелю ногу положив, к нам же не преклоняясь» (стр. 158). Картина-то выходит совсем иная! Вообще мне чувствуется, что детство Ив. Грозного было довольно счастливо, и подготовка его к царствованию была не лишена системы и удачи. Кротость его я уже давно начал объяснять крупной оппозицией боярства и притом не в отношении к нему только, а также к Василию.

Ссылки на Ключевского меня не тешат; мне они досадны по их искусственно повышенному тону.

Но об этих разных разностях когда-нибудь после. Я очень доволен, что вошел глубже, чем прежде, в историю: это углубляет и обогащает мысль. К новым курсам своим я считаю себя достаточно подготовленным.

В город не спешу, не предполагая, чтобы преподавание в столь трудных материальных обстоятельствах могло начаться своевременно и идти нормально. Жду известий от Вас через Мишу. Денег и здесь еле хватает; а в Петербурге надо ведь в пять раз более. Ужасаюсь предстоящей петербургской зимы.

Постоянно думаем и говорим о Ваших. Отсюда еще лучше видно то, что мы имеем в Вас хорошего, и это располагает к особой нежности. Хоть бы Вам минутку передохнуть! Если у Вас есть что-либо деловое для меня, не доверяйте вполне точности Миши и лучше напишите записочку.

О том, что делается в России и на белом свете, мы здесь ничего не слышали, да, вероятно, и петербуржцы почти в таком же положении. В водовороте событий чувствуешь сам тем «мальчиком», которого мы видели с Вами некогда в Иматре¹.

Не тянет в Петербург! Словно в мясорубку лезешь! Ваш А. Спицын.

Г. Верховье. 1918. VIII/24.

Сейчас получил Ваше письмо. Господь да будет со всеми Вами!

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 38 – 39 об.

¹ Иматра – город в Финляндии в области Южной Карелии (ранее город входил в состав губернии Южная Финляндия).

[июль 1918]

Пишу Вам, дорогой Сергей Федорович, пользуясь поездкой в Петербург нашего хозяина, доктора Леон. Вас. Андронova¹ (Церковная ул., есть телефон), который пробудет в городе очень недолгое время. Через него Вы и могли бы сообщить нам то, что Вы имеете передать.

Мы здесь совершенно оправились и благоденствуем, пока есть суммы. Сравнительно все дешево и необходимейшее имеется. Было дождливо, так что поиски наши в лесу только начинаются. Пока все хорошо, а что дальше будет – неведомо. Уже были здесь скупщики и назначили иную цену на хлеб – 200 р. за пуд. Только что прошла реквизиция офицеров. Если бы Вам пришлось кого-либо немедленно отправить из города в деревню, посылайте: можно бы прямо с доктором.

Слухи тревожные из Петербурга, удивительно, что-то будет, что ждет Вас? Что ждет нас?

На всякий случай посылаю Вам доверенность. Если Вас не затруднит, получите сумму и при случае не откажите доставить её мне.

Гремит, гремит небесный гнев!

Целую Вас и желаю всем Вашим доброго здоровья. А. Спицын.

Полпуда муки Вы уже могли бы получить в Ионине, но, кажется, с большим риском на жел[езной] дороге. Если бы муки, паче чаяния², не окажется в Ионине, посланник должен добраться до нас. От Разъезда по шпалам 6 в. в д. Верховье (первая деревня) или же, если не скучно будет ждать, по той же ветке в вагоне до ближайшей остановки. Дорога частная, гр. Воронцова. Здесь говорят, что муку чаще не пропускают, а то и пропускают. Боюсь, что Вам туго теперь без муки. Поделемся. Мы с Леною чувствуем живейшую потребность это сделать.

Миша пока не рискует выехать отсюда.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 40 – 40 об.

Доверяю С. Ф. Платонову получить причитающееся мне жалование за август 1918 г.

Преподаватель Археологического института А. Спицын.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 41

¹ Леонид Васильевич Андронов (1858 – не ранее 1931) – врач.

² Вопреки ожиданию; сверх ожидания.

ИСТОРИЯ

№ 37 (123)

Е[го] П[ревосходительству]. Сергею Федоровичу Платонову. Телеф[он]
438 78?

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 42

№ 38 (124)

Дорогой Сергей Федорович!

Мы собрались ехать через неделку, а на всякий случай я сейчас сообразил спросить Вас, в какой степени необходимо явиться в город теперь же¹. Не откажите в сведении, как идут занятия в Университете, в Институте, в гимназии. Если можно, со своим заключением насчет времени нашего выезда. Если Вам некогда, попросите кого-нибудь из семьи. Здесь сейчас очень тепло, а эти дни и солнышко. Сегодня в Покров день чудесная погода. Вести из города такие недобрые, а здесь вполне терпимо. Хлеб и картофель не только есть, но мы ими вполне насыщаемся. Идет и работа.

Я колебался – самому поехать или спросить письмом Вас и выбрал второе; до сих пор удача нам благоприятствовала – авось письмо дойдет и получится ответ, а ведь все равно я взглянул бы на дело Вашими глазами. Крепко Вас целует Ваш А. Спицын. Верховье. 1918. X/1.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 43

Петроград. М. Г. Сергею Федоровичу Платонову. Каменноостровский проспект, 75. Кв. 13.

Карандашные пометы С. Ф. Платонова: Получено 10/23

«Писано I. X (13.X).

Заборье 4.X.17.X.

СПб. 6.X.19.X.

Получено 10.X.23.X»²

№ 39 (125)

Дорогой Сергей Федорович!

За аккуратность К. К. Вебера я ручаюсь. Я даю ему важные свои книги. ...
А. С.

1921. XII/25.

С. Ф. Платонову.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 44 – 44 об.

¹ Два слова вписаны сверху строки.

² Текст на конверте.

№ 40 (126)

Дорогой Сергей Федорович!

Если найдете это возможным, не откажите в своей подписи на моем представлении в пайковую комиссию о Т. Ф. Гелихе¹. Он говорит, что иметь Вашу дополнительную подпись было бы важно. Ваш А. Спицын. 1923. VI/8.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 45

№ 41 (127)

Дорогой Сергей Федорович!

I. 1) «С. Ф. Платонов передал от неизвестного».

2) «С. Ф. Платонов передал от (знакомого?) лица², пожелавшего остаться неизвестным».

Для меня приемлемо то и другое. Лучше первое.

II. Я взял дело 1916 г., переговорил с Удаленковым³ и уяснил следующее.

Это вещи, взятые при отступлении армии, скорее всего, из одной школы (название её имеется), а такое может быть, из Черновиц и Криничуг. При соби- рании и упаковке вещей Удаленков не был, так как был вызван в Петербург раньше за неделю. Причина и цель выемки ему не ясны.

Если сохранились записки Покрышкина, то происхождение каждой вещи можно определить.

Участие Академии наук. Конференция, по мысли Латышева, поручила Покрышкину и от себя ведение обследования памятников. Ни денежно, ни иначе ему она не помогала. Покрышкин имел 3000 р. и не мог их издержать; бесплат- ные железнодорожные билеты имел от Археологической Комиссии.

Почему вещи отправлены на адрес, А. П. Удаленков не знает.

Археол[огическая] Ком[иссия] поручения вывозить вещи Покрышкину не давала⁴. Но все время на месте он был в контакте с Главнокомандующим Южно- го фронта.

Дело Арх[еологической] Ком[иссии] 1916 г. у меня в руках, и я мог бы его доставить.

Ваш А. С. 1926. XI/24.

Удаленков готов помочь при осмотре вещей, особенно в середине будущей недели⁵.

¹ Геллах Тарасий Федорович (1890 – не ранее 1956) – сотрудник Кунсткамеры, специалист по древностям Крыма.

² Слово написано сверху предыдущего.

³ Удаленков Александр Петрович (1887 – 1975) – русский советский архитектор, реставратор, исследователь архитектуры. С середины 1920-х гг. – руководитель Ленинградского отделения Центральных научно-реставрационных проектных мастерских (ЦНРПМ). С июня 1932 г. – действительный член Академии истории материальной культуры.

⁴ Подчеркивания в письме сделаны С. Ф. Платоновым синим карандашом.

⁵ Далее текст написан С. Ф. Платоновым.

Отнош[ение] Конференции 31. X.1916 № 2375.

Ученик Высш[его] Худож[ественного] Училища при ИАК худ[ожник] Александр Петрович Удаленков.

Рапорт ППИ 20 I. 1917 о негативах из Черновецк[ого] Ун[иверсите]та.

Отнош[ение] Арх[еологической] Ком[иссии] 20.II.1917 с отметкой Бобр[инско]го: «негативы получены».

Арх[еологическая] Ком[иссия] в Кабинет ЕВ 19. III.17 № 220 из 3000 р. остаток 808 р. 20 к.

Кружок Варш[авско]го Об[щест]ва охранения древностей (Петроград, Кирочная, 34) (в конце дела № 828 янв. 29.1917). Называет экспедицию Академической.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 46 – 47

№ 42 (128)

Дорогой Сергей Федорович!

Книжка о Нижегородских древностях решительно плоха. Он¹ мне её выслал, а даже не поблагодарил, ибо не за что, и автор показался мне безнадежным и с большими претензиями. В Нижнем я ему похвал не слышал. Появление его в Петербурге никого не порадует. Мы с П. П. Ефименком² единогласно рассудили: пусть просится в Московский Университет; если найдете нужным ответить, кажется, удобнее было бы написать: двое из профессоров, с которыми Вы вошли в сношения, высказались сдержанно, как о лице совершенно незнакомом. Московские же археологи его знают. Ваш А. С.

Карандашная помета С.Ф. Платонова: 1/ IV. 27.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4277. Л. 48

Библиографические ссылки

1. Платонов С. Ф. Переписка с историками. В 2 т. Т. 1. Письма С. Ф. Платонова, 1883 – 1930 / сост. В. Г. Бухерт. М. : Наука, 2003. 388 с.

2. Академическое дело 1929 – 1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова / отв. ред. В. П. Леонов. СПб. : [Б. и.], 1993. 296 с.

3. Брачев В. С. Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов. СПб. : Астерион, 2010. 762 с.

¹ Речь идёт о Викторе Тимофеевиче Илларионове.

² Ефименко Пётр Петрович (1884 – 1969) – русский и советский археолог, педагог, исследователь палеолита. Доктор археологии (1934), академик АН УССР (1945).

4. Захарова Е. Ю. К вопросу об археологических занятиях Сергея Федоровича Платонова: раскопки 1909 г. в Валуйках // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 1(172). Вып. 29. С. 136 – 141.

5. Иванова Н. В. В. Т. Илларионов как историограф древнейшей истории // Личность в науке. В. Т. Илларионов (1901 – 1985) : сб. ст. Н. Новгород : ННГУ, 2012. 235 с.

6. Кузьминых С. В., Усачук А. Н. «Глубокоуважаемый и дорогой друг Михаил Маркович!» (Хельсинская коллекция писем Н. Е. Макаренко А. М. Тальгрону) // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы : сб. ст. в честь 60-летия И. В. Манзуры / под ред. С. Церны и Б. Говедарицы. Кишинёв, 2016. С. 379 – 427.

7. Минц И. Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI международном конгрессе историков в Норвегии // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 84 – 96.

8. Митрофанов В. В. «Об оживлении, которое переживает наша комиссия»: письма В. Т. Илларионова С. Ф. Платонову. 1923 – 1929 гг. // Исторический архив. 2019. № 5. С. 70 – 83.

9. Кулаков А. А. О Нижнем храню самые теплые воспоминания. Письма академика С. Ф. Платонова В. Т. Илларионову. 1923 – 1929 гг. // Исторический архив. 1999. № 6. С. 138 – 144.

10. Письма А. А. Спицына и Д. Я. Самоквасова // Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843 – 1911) / сост., вступ. ст. и коммент. С. П. Щавелёва. 2-е изд., стер. М. : Флинта, 2011. С. 236 – 240.

11. Платонов С., Крачковский И., Ольденбург С. Записка об ученых трудах проф. А. А. Спицына // Известия Академии наук. 1927. С. 1503 – 1517.

12. Платонова Н. И. Александр Андреевич Спицын о теории археологии // Российская археология. 2009. № 3. С. 129 – 137.

13. Сборник статей по русской истории, посвящённый С. Ф. Платонову. Петербург : Типография им. Гуттенберга (аренд. П. П. Сойкин), 1922. 459 с.

14. Список трудов С. Ф. Платонова / подгот. Б. А. Романов // Сборник статей по русской истории, посвящённый С. Ф. Платонову. Петроград, 1922. С. VI – XII.

15. Список печатных трудов академика С. Ф. Платонова с 1923 г. / подгот. В. А. Колобков // Археографический ежегодник за 1993 год. М. : Наука, 1995. С. 319 – 320.

16. Митрофанов В. В. Список ранее неучтённых трудов С. Ф. Платонова (до 2010 г.) // С. Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России : монография. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ. 2011. С. 291 – 297.

17. Список учёных трудов А. А. Спицына // Советская археология. 1948. № 10. С. 12 – 20.

18. Спицын А. А. Курганы с окрашенными костяками. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1899. 31 с.

19. Спицын А. А. Курганы с окрашенными костяками // Записки Русского археологического общества. 1899. Т. XI, вып. I – II. С. 53 – 133.

V. V. Mitrofanov

**“ALARMING RUMORS FROM PETERSBURG...”: LETTERS
OF A. A. SPITSYNA S. F. PLATONOV (1911 – 1927)**

The publication of the epistolary layer of the outstanding Russian archaeologist A. A. Spitsyn, to his long-term close friend S.F. Platonov, with whom he actively and fruitfully collaborated in a number of scientific societies in the capital. The letters cover a significant chronological period from 1911 to 1927. Parallels are drawn between the professional and organizational activities of the leading scientists. The milestone year of this period is 1917. The peak of their scientific career is associated with the Soviet period: S. F. Platonov became an academician, A. A. Spitsyn is a corresponding member of the Academy of Sciences. The year 1927 was the time of the end of work at the Leningrad University. After that, the path of both to the tragic denouement begins. A number of events from family life cited in the letters receive additional detail. A considerable epistolary source is a wonderful document that narrates and fills with new content the state of science at turning points in history, the place and role of such iconic figures in these processes.

Keywords: A. A. Spitsyn, S. F. Platonov, organizational activity, scientific career peak, epistolary layer, life parallels.

**О ГОМЕЛЬСКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОЙ ШКОЛЕ
АБВЕРА (НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ ДИВЕРСАНТЫ В ПРАКТИКЕ
«БЛИЦКРИГА»)**

В 2006 году состоялась премьера фильма «Сволочи», поставленного режиссёром А. Атанесяном по мотивам якобы автобиографической повести живущего в Германии русскоязычного писателя Владимира Кунина (Фейнберга). Затронутая в фильме тема подготовки и использования НКВД СССР советских детей и подростков для разведывательно-диверсионных действий во вражеских тылах в годы Великой Отечественной войны долгое время обсуждалась широкой общественностью и в конце концов оказалась далека от действительности. Владимир Кунин, оправдываясь, заявил, что «фильм был от первой и до последней буквы переписан режиссёром Александром Атанесяном» [17]. С тех пор немало историков обращалось к теме привлечения подростков к диверсионной работе в годы Великой Отечественной войны. Вывод был сделан однозначный: никаких диверсионных школ, в которые набирались бы подростки, советская сторона не создавала [14, с. 277]. И наши дети оказывались на войне только по собственной инициативе и в виде исключения. А вот обратных примеров, когда советские несовершеннолетние граждане использовались немцами в качестве разведчиков и диверсантов, обнаружено достаточно.

Ключевые слова: абвер, диверсант, разведывательно-диверсионная школа, вербовка.

С началом Великой Отечественной войны советские спецслужбы столкнулись с использованием германской военной разведкой (абвер) подростков, женщин и девушек для ведения разведывательно-диверсионной работы в тылу советских войск.

30 августа 1941 года Управление особых отделов НКВД СССР, обобщив поступающую к ним информацию, направило ориентировку № 43079 о переброске через линию фронта агента противника для проведения шпионской и диверсионной работы в тылу Красной Армии.

В ориентировке приводятся конкретные примеры задержания особыми отделами частей РККА в период с 16 июля по 5 августа переброшенных немцами через линию фронта подростков в возрасте 12 – 17 лет под видом перебежчиков или разыскивающих своих родителей [12, с. 557 – 558].

4 сентября 1941 года УНКВД по Смоленской области направляет в Особый отдел Западного фронта спецсообщение № 3044/2 об использовании немецкой разведкой детей и подростков для определения расположения аэродромов и частей Красной Армии, а

также подачи световой сигнализации в местах скопления войск и артиллерийских батарей.

В документе, после рассмотрения конкретных фактов заброски в советский тыл немцами подростков с диверсионными заданиями, обращалось внимание на необходимость принятия разыскных мероприятий:

«...Из приведенных фактов усматривается, что немецкая разведка путем подкупа, спаивания и принуждения широко использует в борьбе с Красной Армией малолетних детей и подростков, в связи с чем Управлением НКВД по Смоленской области приняты меры по фронтовым районам к задержанию и тщательной проверке всех проходящих детей и подростков» [1].

Приведённые в ориентировке сроки свидетельствуют о том, что подготовку диверсантов из числа несовершеннолетних советских граждан абвер начал с первых дней войны против Советского Союза в специально организованных для этой цели школах на оккупированной территории.

Как удалось установить, в июне 1941 года для организации разведывательно-диверсионной и контрразведывательной деятельности против Советского Союза и для руководства этой деятельностью был создан специальный орган управления «Абвер – Заграница» на советско-германском фронте, получивший условное наименование «штаб «Валли», полевая почта № 57219».

В соответствии со структурой центрального управления «Абвер – Заграница» штаб «Валли» имел в своём со-

ставе отдел «Валли 2», который руководил абверкомандами и абвергруппами, непосредственно проводившими диверсионную и террористическую деятельность.

До лета 1942 года на советско-германском фронте действовали три армейские группировки: «А», «Б» и «Ц», или группировки «Зюд» (Юг), «Митте» (Центр) и «Норд» (Север). Приданные им диверсионные абверкоманды именовались, соответственно, абверкомандами 2А, 2Б и 2Ц [13].

В соответствии со стратегическими планами «блицкрига», массированный удар германской военной разведки направлялся на передовые позиции советских войск и ближние тылы РККА. Агенты и диверсанты абвера должны были дезорганизовать советскую оборону и ближайшие тылы Красной Армии, парализовать её коммуникации, нарушить управление войсками, тем самым обеспечив военные победы вермахта в приграничных сражениях [15, с. 100].

Таким образом, в лице абвера советским органам безопасности противостоял полностью отмобилизованный, хорошо обученный, воодушевлённый предыдущими военными успехами и имевший немалый опыт действий в боевых условиях противник, не обременённый к тому же какими-либо нравственными нормами в отношении «неарийских» народов.

В архиве Управления ФСБ России по Владимирской области обнаружены и рассекречены материалы об одном из несовершеннолетних диверсантов, кото-

рый проходил подготовку в разведывательно-диверсионной школе абвера, дислоцированной в городе Гомеле.

Оборонительные бои за Гомель начались в начале июля 1941 года, когда войска Западного фронта получили приказ Верховного главнокомандования всеми силами оборонять город, в который к этому времени эвакуировались из Минска Совнарком и ЦК компартии Белоруссии. Для организации обороны в Гомель прибыл маршал Советского Союза С. М. Будённый.

24 июля из состава Западного фронта был сформирован Центральный фронт (командующий – генерал-полковник Ф. И. Кузнецов) в составе 21-й (генерал М. Г. Ефремов), 13-й (генерал В. Ф. Герасименко), 3-й (генерал В. И. Кузнецов) армий и группы ВВС (генерал Г. А. Ворожейкин). Для непосредственной обороны Гомеля был создан Гомельский боевой участок (генерал П. П. Корзун).

Для усиления 21-й армии, которая защищала подступы к Гомелю, в начале июля на базе истребительных батальонов¹ был создан полк народного

ополчения, а также особый батальон Гомельского гарнизона. На вооружении полка народного ополчения были в основном винтовки, несколько десятков станковых и ручных пулемётов.

Особенно ожесточёнными были бои за Гомель 14 – 19 августа 1941 года. 19 августа, после массированного штурма, гитлеровцы ворвались на окраины Гомеля. К 9 часам вечера 19 августа большая часть города была захвачена противником. В 23 часа последние части Красной Армии по приказу командования по понтонным мостам оставили Гомель.

Власть в городе оказалась в руках 221-й дивизии вермахта и военно-полевых комендатур. Гомель был разбит на 6 полицейских участков, каждый из которых состоял из 40 приставов, урядников, квартальных и полицейских.

В городе действовал комендантский час. Передвижение в запрещённое время строго пресекалось, за нарушение – расстрел на месте.

Согласно материалам архивного уголовного дела П-9497 по обвинению Пелко Геннадия Леонтьевича по ст. 58 п. 1 «а» УК РСФСР (измена Родине), 9 июля 1942 года в городе Гусь-Хрустальном (в тот период – Ивановской, а с 1944 года по настоящее время – Владимирской области) был задержан как подозрительная личность и доставлен в горотделение НКВД Пелко Геннадий Леонтьевич, 16 лет, уроженец города Гомеля, без определённых занятий и места жительства [2]. При

¹ Истребительные батальоны – одна из форм народного ополчения – создавались во исполнение постановления СНК СССР от 24 июня 1941 года и приказа НКВД СССР от 25 июня 1941 года «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами в прифронтовой полосе». Истребительные батальоны численностью 100 – 200 человек формировались при городских, районных отделах – отделениях НКВД и комплектовались из «проверенных, смелых, самоотверженных коммунистов, комсомольцев, советских активистов, способных владеть оружием». Начальниками назначались опытные оперативные работники НКВД, преимущественно из пограничных и внутренних войск и работников милиции.

обыске у Геннадия Пелко обнаружили деньги в сумме 49 рублей 5 копеек и порошки [3], состав и назначение которых не указаны.

На допросе в горотделении Пелко показал, что он уроженец города Гомеля, по национальности поляк. В 1941 году, когда немецкие войска подходили к Гомелю, Геннадий не успел эвакуироваться и остался на оккупированной территории. 14 августа 1941 года при немецкой бомбежке его родители погибли.

Из показаний Геннадия Пелко от 6 октября 1942 года:

«Попал я в школу фашистов при следующих обстоятельствах. В момент взятия немецкими войсками Гомеля я не успел убежать и попал в окружение... В городе Гомель, когда он оказался оккупированным, на вокзале станции Гомель меня задержал немецкий офицер, который повёл меня в штаб немецкой армии, который находился в большом двухэтажном доме... Из штаба меня повели в школу, которая находилась в том же доме, где был штаб фашистов. До школы со мной беседовал офицер, который сказал мне, хочу ли я учиться в их школе, после окончания которой обещал мне перейти границу фронта и заниматься работой в их пользу. Я дал ему согласие учиться в этой школе.

В школе молодёжи занималось много, было 4 класса, примерно по 10 человек в классе. Занятия в школе проходили два раза в день с перерывами. Первое занятие было с 8 часов утра до 4-х вечера, с 4-х перерыв до 8 часов

вечера. С 8 часов вечера занятие продолжалось до 10 часов вечера. Преподавали в школе офицеры, которые очень хорошо говорили по-русски. В школе нас учили сначала правилам применения отравляющих веществ на продукты питания и воду, как взрывать мосты.

В указанной мною школе я учился две недели, т. е. с 19 августа по 31 августа. По окончании школы офицер с нами с каждым в отдельности побеседовал и предупреждал, чтобы мы свою работу проводили скрытно и ничего о школе, если нас поймают, никому не говорить» [4].

После выполнения задания диверсант мог отправляться в любом направлении, а если удастся перейти линию фронта – возвращаться назад. Перед переброской в советский тыл Пелко получил три мешочка с отравляющими веществами примерно по 500 грамм каждый, два пакета со взрывчаткой, советскими деньгами около 10 тыс. рублей и пропуском через оккупированную немцами территорию.

Через линию фронта диверсантов перебрасывали пешим порядком. По пути Геннадия несколько раз останавливали немецкие патрули, но выданный в школе пропуск снимал все вопросы.

Линию фронта Геннадий Пелко пересек в сентябре 1941 года, добрался до Брянска, где начал выполнять данное ему задание: «Когда я пришёл в Брянск, я из моих, даденных мне мешочков, отравляющее вещество высыпал в речку, которая протекала на окраине города» [5].

Затем он направился в Курск: «В Курске отравляющее вещество я бросал в колодцы, в речку, в пути следования в Курск отравляющее вещество бросал в колодцы в деревнях, вообще, где мне встретится колодец, я старался бросить немного даденного мне вещества» [5].

Из Курска Пелко поехал в Пензу, намереваясь взорвать мост через реку. Но осуществить свои намерения не рискнул – на мосту работали люди, и, боясь быть замеченным, Пелко просто выбросил взрывчатку в реку. Возвращаться к немцам он не захотел – всё-таки задание не было выполнено полностью, поэтому начал искать себе пристанище.

В Пензе обратился в эвакуопункт, который направил его на работу в колхоз, но в колхоз Геннадий не попал – проспал свою станцию. Сошёл в Балашове, где его направили в ремесленное училище, но оттуда, пользуясь неразберихой, царившей в училище, он сбежал.

Из Балашова Геннадий подался на станцию Рузаевка Пензенской области, где познакомился с воспитательницей детского дома, которая привезла его вместе с другими подростками в детский дом на станции Ночка Пензенской области.

В детдоме Геннадию Пелко предложили на выбор: учёба в ремесленном училище или работа на торфоразработках от колхоза. Геннадий решил поехать на торфоразработки, получил 50 рублей и хлеба на 5 суток. Так он попал в Гусь-Хрустальный район, в

поселок Центральный, оттуда – на участок торфоразработок № 7. Но на торфоразработках Пелко проработал всего два дня и решил поехать куда-нибудь в колхоз. С этой целью он направился в горисполком города Гусь-Хрустального, где и был задержан [6].

Необходимо отметить, что исследований, посвящённых Гомельской разведывательно-диверсионной школе, в которой обучался Геннадий Пелко, немного, и наибольший интерес эта тема вызывала у белорусских историков. Но относятся эти исследования к тому периоду, когда школа переориентировалась на борьбу с развернувшимся в Белоруссии партизанским движением.

Российский историк спецслужб В. Коровин в исследовании «В поединке с Абвером» отмечает, что «наши разведчики действовали в ряде абвергрупп (103-й, 107-й и др.), были своими в Борисовской, Гомельской... и многих других школах противника» [9].

О. Хлобустов, приводя примеры создания школ абвера по подготовке разведчиков, диверсантов, радистов, в том числе из рядов советских военнопленных на территории Советского Союза, одним из первых называет Борисовскую (с августа 1941 года при абверкоманде 103) и Смоленскую (с декабря 1941 года при абверкоманде 203) [16, с. 97], но о Гомельской школе не упоминает.

Специалист по истории партизанской разведки К. Доморад отмечал, что в «специальных школах, которые функционировали в Гомеле, других областных и районных центрах, про-

ходили специальное обучение лжепартизанские группы и отряды» [7, с. 212].

В монографии белорусского историка Э. Иоффе указывается, что «советские контрразведчики выявили специальные школы (курсы) в Гомеле, готовившие вражеских лазутчиков под видом военного подготовительного обучения. Курсанты разбивались на группы по 10 человек.

В школе одновременно обучалось 100 человек. В нее зачислялись мужчины и женщины в возрасте от 17 до 25 лет с образованием не ниже 7 классов. Окончившие школу шпионы перебрасывались в тыл Красной Армии для сбора разведывательной информации и осуществления диверсий» [8, с. 130].

В фонде № 1450 (Белорусский штаб партизанского движения Национального архива Республики Беларусь) найдены документы, позволяющие уточнить сведения о деятельности спецшколы в Гомеле.

Одним из таких документов является протокол допроса Нины Севостьяновой, 1924 года рождения, которая обучалась в Гомельской школе и была разоблачена в одном из партизанских отрядов. На следствии она показала, что в школе немецких разведчиков она училась с 15 июня по 15 декабря 1942 года. Школа располагалась по ул. Замковая, 85 и в целях конспирации называлась гимназией. Она носила секретный характер, охранялась немецкими солдатами, как и общежитие [11].

Белорусский исследователь данной темы С. Кулинок на основании приве-

дённых выше данных делает вывод о том, что школа разведчиков в Гомеле действовала с июня 1942 года и осуществляла шестимесячную подготовку агентов. Также, предполагая, что июньский набор был не первый, С. Кулинок считает возможным «отодвинуть» начало деятельности школы на конец 1941 – начало 1942 года [10].

Материалы архивного уголовного дела по обвинению Г. Пелко позволяют расширить сведения о деятельности Гомельской школы абвера, а также предположить, что она начала свою работу значительно раньше.

Геннадий Пелко в своих показаниях дату 19 августа 1941 года – день захвата Гомеля немецко-фашистскими войсками – обозначает как время его задержания немецким патрулём, вербовки и начала занятий в разведывательно-диверсионной школе.

Такая поспешность в организации абвером диверсионной школы в Гомеле вполне укладывается в уже описанную выше тактику «молниеносной войны», а также обоснована с психологической точки зрения: психологическое состояние мирного населения, в том числе и подростков, в момент оккупации города способствовало их вербовке.

Более короткий срок обучения – 2 недели – также обусловлен характером боевых действий начального периода Великой Отечественной войны и характером задач, которые на тот момент ставила перед собой немецкая разведка. Абвер вполне устраивал и минимальный уровень подготовки

массового количества агентуры, действовавшей в ближнем тылу советских войск: сам факт её наличия, даже разоблачённой и не успевшей совершить диверсию, оказывал деморализующее влияние как на армию, так и на мирное население прифронтной полосы.

Дальнейшая судьба этих малолетних диверсантов офицеров абвера не волновала: для них это был «расходный материал». Пелко Геннадий Леонтьевич 12 мая 1943 года Особым совещанием при НКВД СССР за измену Родине приговорён к 10 годам лишения свободы.

Таким образом, обнаруженные в архиве УФСБ России по Владимирской области материалы не только лишней раз свидетельствуют о человеконенавистнической сути гитлеровского режима, но и позволяют утверждать, что Гомельская разведывательно-диверсионная школа абвера начала функционировать с 19 августа 1941 года, сразу же после оккупации города немецкими войсками.

Наиболее вероятно, что созданием Гомельской школы, вербовкой и под-

готовкой несовершеннолетних диверсантов занималась абверкоманда 203 (ранее – абверкоманда 2Б), которая действовала при немецких армиях группы «Центр» и летом 1941 года проводила разведывательно-диверсионную деятельность против Западного фронта. В подчинении абверкоманды 203 находилась и печально известная школа подростков-диверсантов в местечке Гемфурт в Германии [16].

Первоначально в школе, как и предусматривалось планами «блицкрига», абвер ускоренно готовил подростков для проведения диверсий в ближнем тылу советских войск. Позднее, с продвижением линии фронта на восток и развёртыванием в Белоруссии партизанского движения, школа была переориентирована на борьбу с партизанами. Увеличение срока обучения и более жёсткие требования к образовательному уровню курсантов были обусловлены в том числе повышением эффективности работы советской контрразведки по выявлению агентуры противника.

Библиографические ссылки

1. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 10. Д. 111. Л. 15 – 17. Цит. по: <https://www.sites.google.com/site/ocerkipoistoriirodnyhmest/sla-vojna-sovetskie-podrostki-diversanty-germanskih-specsluzb> (дата обращения: 16.10.2021).
2. Архив УФСБ России по Владимирской области. Ф. 2. Д. П-9497. Л. 7.
3. Архив УФСБ России по Владимирской области. Ф. 2. Д. П-9497. Л. 8.
4. Архив УФСБ России по Владимирской области. Ф. 2. Д. П-9497. Л. 28 об. 29.
5. Архив УФСБ России по Владимирской области. Ф. 2. Д. П-9497. Л. 29 об.

6. Архив УФСБ России по Владимирской области. Ф. 2. Д. П-9497. Л. 29 – 30.
7. Доморад К. И. Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941 – 1944 гг. Минск : Навука і тэхніка, 1995. С. 212.
8. Иоффе Э. Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939 – 1945 гг. Минск : Харвест, 2007. С. 130.
9. Коровин В. В. Поединок с Абвером // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 31 – 35.
10. Кулинок С. В. Гомельская разведывательно-диверсионная и полицейская школы немецких спецслужб в разведанных белорусских партизан [Электронный ресурс] // Юбилейная научно-практическая конференция, посвященная 85-летию Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины (Гомель, 17 июня 2015 г.) / редкол.: О. М. Демиденко (гл. ред.) [и др.]. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. URL: <http://nashkraj.info/gomelskaja-rasvedyvatelno...i...shkoly.html> (дата обращения: 23.01.2021).
11. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57. Л. 287.
12. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. / Федер. служба контрразведки Рос. Федерации, Акад. Федер. службы контрразведки Рос. Федерации; рук. группы авт.-сост. В. П. Ямпольский. М. : Русь, 2000. С. 557 – 558.
13. Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны [Электронный ресурс] : сб. док. / сост.: А. В. Валякин, А. А. Кохан. Симферополь : Главное управление СБУ в АР Крым, 2011. URL: <https://www.istmat.info> (дата обращения: 26.12.2021).
14. Токарев М. Л. Спецподготовка подростков СССР к участию в разведывательно-диверсионной деятельности в годы Великой Отечественной войны // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М. : Кучково поле, 2007. Т. 3. С. 277.
15. Хлобустов О. М. Из истории тайной войны Германии против СССР // Спецслужбы Третьего рейха. Неизвестные страницы / сост. А. И. Колпакиди. М. : Вече, 2018. С. 100.
16. Шла война... Советские подростки – диверсанты германских спецслужб [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sites.google.com/site/ocerkipoistoriirodnyh-mest/sla-vojna-sovetskie-podrostki-diversanty-germanskih-specsluzb> (дата обращения: 16.10.2021).

**ABOUT THE GOMEL INTELLIGENCE AND SABOTAGE SCHOOL
OF THE ABWEHR (UNDERAGE SABOTEURS IN THE PRACTICE
OF “BLITZKRIEG”)**

In 2006, the premiere of the film “Bastards”, directed by A. Atanesyan, based on the allegedly autobiographical story of the Russian-speaking writer Vladimir Kunin (Feinberg) living in Germany, took place. The topic of the preparation and use of Soviet children and adolescents by the NKVD of the USSR for reconnaissance and sabotage operations in enemy rear areas during the Great Patriotic War was discussed by the general public for a long time and, in the end, turned out to be a fake. Vladimir Kunin, justifying himself, said that “the film was rewritten from the first to the last letter by director Aleksan-drom Atanesyan” [20]. Since then, many historians have again turned to the topic of attracting teenagers to sabotage work during the Great Patriotic War. The conclusion was unequivocal: the Soviet side did not create any sabotage schools that teenagers would be recruited to [15, p. 277]. And our children found a place in the war only on their own initiative and as an exception. But the reverse examples, when Soviet minors were used by the Germans as scouts and saboteurs, were found enough.

Keywords: Abwehr, saboteur, reconnaissance and sabotage school, recruitment.

УДК 93/94 + 324 + 323.2

А. А. Сорокин

**ПРОЕКТЫ РЕФОРМЫ ЗЕМСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В НАЧАЛЕ XX В. В ОЦЕНКАХ ГАЗЕТЫ
«НОВОЕ ВРЕМЯ»**

Статья посвящена анализу позиций газеты «Новое время» по отношению к возможной реформе земского избирательного законодательства Российской империи в начале XX в. Показано отношение редакции газеты к таким составляющим дискуссий о возможных направлениях реформы, как размер имущественного ценза, представительство мелких землевладельцев и горожан в земских собраниях, введение образовательного ценза.

Ключевые слова: земские выборы, земская избирательная система, имущественный ценз, мелкие землевладельцы, образовательный ценз, сословные выборы, «Новое время».

Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках научного проекта № МК-2631.2021.2 «Институт земских выборов в общественно-политическом дискурсе Российской империи на рубеже XIX – XX вв.»

На рубеже XIX – XX вв. вопрос о реформах и развитии земского самоуправления (и, прежде всего, избирательной системы) являлся предметом широких дискуссий. Целый ряд ходатайств земских собраний, направленных в правительство после принятия Положения о земских учреждениях 1890 г. и касающихся частных корректировок в системе земского представительства на территории отдельных уездов и губерний [11, л. 1 – 1об.; 12, л. 1 – 6; 13, л. 2 – 3], побудил Министерство внутренних дел к детальному рассмотрению вопроса о возможностях дальнейших изменений земского избирательного законодательства в целом. В связи с этим в 1897 – 1902 гг. губернаторам земских губерний было направлено несколько циркуляров с указанием выяснить мнения земств по ряду вопросов, в числе которых были увеличение срока службы гласных, выделение городов в отдельные земские единицы, отстранение от выборов в земские гласные должностных лиц крестьянского самоуправления, а также понижение размера имущественного ценза для участия в выборах [14, л. 1 – 2; 15, л. 764 – 764 об.; 16, л. 1].

Последний вопрос являлся наиболее обсуждаемым и значимым, что обуславливалось рядом обстоятельств. Во-первых, цены на землю регулярно росли, в связи с чем по своей стоимости участки, составляющие земельный ценз, могли в несколько раз превышать стоимость ценза по неземельной недвижимости, который был фиксиро-

ванным и составлял 15 тыс. руб. [14, л. 1]. Во-вторых, одновременно с ростом цен на землю наблюдалось и дробление и уменьшение дворянского землевладения (например, в Херсонской губернии за период с 1880 по 1896 г. дворянское землевладение с 2 319 316 десятин уменьшилось на 750 742 десятины, т. е. на 46 921 десятину в среднем ежегодно) [14, л. 31 об.]. Это приводило к тому, что зачастую число избирателей в первом (дворянском) избирательном собрании было равно или даже меньше числа подлежащих избранию от него гласных [15, л. 1 об.].

Вышеназванные проблемы широко освещались на страницах общеимперской периодической печати. Подробно они были рассмотрены и одной из самых тиражных газет – «Новое время». Отметим, что редакция газеты после принятия нового Положения о земских учреждениях в 1890 г. воспринимала земство как «выборное ведомство, введенное в общий строй наших уездных и губернских административных учреждений в порядке полной подчиненности губернатору» [3]. Уже тогда редакцией был отмечен ряд анахронизмов, нуждающихся в корректировке. Газета сомневалась в целесообразности сохранения возрастного ценза в 25 лет, поскольку земская служба давала возможность проявить себя на общественном поприще инициативной молодежи [4]. Также ставилась под сомнение и эффективность имущественного ценза, потому что нередко землевладельцы не имели должной под-

готовки и достаточного уровня образования, что отрицательно сказывалось на земской работоспособности [5].

В 1902 г., когда земские собрания уже приступили к обсуждению циркуляра Министерства внутренних дел о целесообразности понижения имущественного ценза, редакция газеты констатировала: «Ни одна сессия земских собраний не проходит, чтобы снова и снова не поднимался вопрос об изменении, дополнении или преобразовании действующего порядка выборов уездных земских гласных». Сущность местного самоуправления понималась «Новым временем» как управление местными делами местными людьми, которые представляют местное население. Но для этого следовало организовать максимально широкое представительство всех групп населения в земских собраниях [6].

Этим обстоятельством «Новое время» объясняло и то, что отдельные земства постоянно поднимали вопрос об уменьшении земельного ценза. Однако эффективность этой меры зависела от повсеместного ее применения: «Этот вопрос касается не только отдельных местностей, где подчас, благодаря крупному цензу, правят земством одни сородичи, лица из одной фамилии; нет, нужда в сильном понижении поземельного ценза ощущается повсюду; поэтому желательно было бы разрешение его общим законом, а не частичным» [Там же].

Действовавшие размеры имущественного ценза для «Нового времени» представлялись весьма значительны-

ми, преграждающими для многих постоянных жителей уезда доступ к близким для них земским делам, а также до крайности сокращающими число лиц, имеющих право непосредственного избрания гласных [7].

Комментируя инициативы земств о понижении ценза в Казанском уезде с 200 десятин до 100 десятин, а в Херсонской губернии с 200 – 350 десятин до 100 – 125 десятин, редакция отмечала: «Но и такое понижение ценза будет недостаточным, и в случае проведения уменьшения ценза в таком размере в закон окажется немало плательщиков земских сборов, устраняемых от участия в непосредственных выборах гласных...» [Там же].

Серьезной представлялась и проблема самовыбора (по Положению 1890 г. при явке избирателей менее 2/3 от числа подлежащих избранию гласных, все явившиеся признавались земскими гласными). Эта ситуация подрывала доверие к самому институту выборов: «При таких условиях выборы обращаются в пародию, и выборное начало превращается в фикцию» [Там же].

Отмечалось, что в условиях постоянного роста цен на землю складывается ситуация, когда «руководительство общим земским делом сосредоточивается в руках весьма ограниченного круга лиц или, вернее, фамилий, становясь частным их делом» [Там же]. Также констатировалось, что при высоком цензе целые разряды избирателей лишены возможности участия в самоуправлении: «Понижение ценза, напротив, даст приток в земство новых

сил, а обновление состава избирательных собраний является необходимым условием правильной постановки земской общественной деятельности» [7].

Рассматривая проблему представительства мелкого землевладения в уездном земстве, редакция газеты заключала, что ее решение сводится не только к понижению земельного ценза. Для участия в избирательных съездах мелких землевладельцев (по Положению 1890 г.) требовалось иметь не менее 1/10 полного ценза. В количественном выражении размер такого участка был следующим: 20 – 30 десятин – в свыше чем 200 уездах, 30 – 80 десятин – в более чем 50 уездах, менее 20 десятин – в 90 уездах (минимальный ценз в 12 ½ десятин – в 10 уездах). Поскольку активными покупателями земли к началу XX в. являлись как крестьяне, так и представители интеллигенции, «Новое время» заключало: «Мелкое сельское хозяйство есть самостоятельное явление; оно также нуждается в поддержке, а его представители – в развитии самодеятельности и сознания в известной мере зависимости своего благосостояния от совместной земской работы» [9].

Действовавшая система выборов через избирательные съезды для мелких землевладельцев признавалась неудовлетворительной: «Порядок выбора не прямо гласных, а только уполномоченных или выборщиков делает этот выбор двухстепенным, а такая избирательная система, вместе с поглощающим значением в избирательных собраниях, пользующихся правом непо-

средственного участия, порождает сильный абсентеизм избирателей из рядов мелкого землевладения» [9]. Следствием такой организации выборов являлось то, что мелкие землевладельцы были представлены в земстве меньше крестьян-общинников.

Кроме того, число участников съездов было стеснено законодательными ограничениями, запрещающими женщинам, у которых нет полного ценза, передавать свое право участия в выборах другим избирателям. Влияние мелких землевладельцев, с точки зрения «Нового времени», могло бы возрасти, если бы на съездах они избирали число уполномоченных не на число цензов, принадлежащих лишь явившимся, а на число цензов, приходящихся на всю категорию этих избирателей [Там же].

В связи с этим отстаивался тезис, что мелкое землевладение должно быть самостоятельным основанием для представительства, независимым от среднего и крупного. Для этого предлагалось или восстановить минимальный ценз для участия в избирательных съездах, который существовал по Положению о земских учреждениях 1864 г. (1/20 от полного ценза), или ввести избирательное право по усадебной оседлости для всех мелких землевладельцев [Там же].

Еще один вариант решения этого вопроса сводился к установлению непосредственного выбора гласных в особых избирательных собраниях всех мелких владельцев (организованных независимо от сословия) с принятием в качестве минимального для них 1/20 от

полного земского ценза. С точки зрения «Нового времени», именно мелкие собственники были наиболее заинтересованы в участии в земской работе: «Среда таких мелких владельцев представляет собою трудовой класс сельских хозяев, близкий к земле, местный по преимуществу и притом стойкий, энергичный и нередко интеллигентный» [6].

Вместе с тем для «Нового времени» были неприемлемы предложения о предоставлении возможности участия в земских выборах по образовательному цензу при отсутствии имущественного. Обычно эти предложения основывались на том, что многие земские служащие, которые могли бы принести пользу работой и в качестве земских гласных как знатоки местных нужд, имеют среднее или высшее образование, но не имеют значительного имущества. Однако для редакции газеты возможность распоряжения земским бюджетом напрямую была связана с участием в его формировании: «Земские доходы получают главным образом из обложения земли. Как же будут облагать чужие земли и распоряжаться собранными с них деньгами лица, сами ничего не платящие и только своей службой, т. е. жалованьем, связанные с местными интересами?» [7].

В этом отношении для «Нового времени» было более приемлемо увеличение крестьянского представительства, чем введение в состав земства бесцензовой интеллигенции, поскольку именно крестьяне являлись основными плательщиками земских сборов:

«Быть может, земские служащие и наперечет прекрасные люди, и действительно в два года (!) постигают недостатки земства, которых не видят земские гласные, но едва ли возможно вручить им заботу о том, в чем они материально не заинтересованы» [8].

Поднималась на страницах «Нового времени» и проблема представительства недворянских сословий, которую предлагалось решить или объединением двух избирательных собраний, или тем же самым понижением земельного ценза [6]. Важной составляющей этой проблемы был вопрос о представительстве горожан в земских собраниях. Если Положение 1864 г. предусматривало отдельную избирательную курию для горожан, то по Положению 1890 г. горожане включались в основном в состав второго избирательного собрания, от которого было крайне низкое представительство. При этом ценз для владельцев неземельных имуществ, который по Положению 1864 г. варьировался в зависимости от численности жителей и статуса городов, с 1890 г. стал единым, в результате чего в отдельных городах ранее являвшиеся полноценными избиратели лишились возможности участия даже в избирательных съездах [1; 2]. В этом отношении, по мнению обозревателей газеты, Положение 1864 г. было более гибким и защищавшим интересы горожан [10].

В связи с крайне малой долей гласных, подлежащих избранию от второго избирательного собрания (как правило, 10 – 15 % от всего количества глас-

ных), на страницах газеты отмечалось: «Такое недостаточное представительство горожан в уездном земстве вместе с ростом городского населения и его имущественного значения в уезде указывает на необходимость выделения из второго избирательного собрания особой группы городских избирателей с установлением в законе числа избираемых этой группой гласных» [10].

По мнению «Нового времени», для решения проблемы городского представительства было бы правильно приравнять городской земельный ценз к цензу сельских обществ. По аналогии с крестьянскими выборами предлагалось ввести понятие городского общества, и тогда каждый правомочный собственник в городе получил бы право участия в выборах; «этим путем и городская интеллигенция привлекалась бы к земскому делу, через что повысился бы уровень земской деятельности» [Там же].

Анализируя содержание статей «Нового времени» по проблемам дальней-

ших изменений в земском избирательном законодательстве в начале XX в., мы можем отметить, что редакция газеты признавала необходимыми такие сразу по нескольким направлениям. Во-первых, это уменьшение имущественного (прежде всего, земельного) ценза для участия в выборах. Во-вторых, это увеличение представительства от крестьян, горожан и мелких владельцев, что было обусловлено их тесной связью с земством (как через уплату основной части земских сборов, так и через пользование результатами деятельности земств). Эти меры должны были способствовать размыванию сословного начала в земской избирательной системе и привлечь к участию в самоуправлении широкие слои заинтересованных в нем лиц. Вместе с тем «Новое время» отстаивало цензовый характер избирательного права и не являлось сторонником наиболее либеральной части земских деятелей, выступавших за возможность введения права участия в выборах по образовательному цензу.

Библиографические ссылки

1. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXIX, ч. 1. № 40457.
2. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. X, ч. 1. № 6927.
3. Новое время. 1890. 3 июля.
4. Новое время. 1890. 9 июля.
5. Новое время. 1890. 12 авг.
6. Новое время. 1902. 12 окт.
7. Новое время. 1902. 10 нояб.
8. Новое время. 1902. 15 нояб.

9. Новое время. 1902. 21 нояб.
10. Новое время. 1902. 4 дек.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2557.
12. РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2559.
13. РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2565.
14. РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2642.
15. РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2643.
16. РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 295.

A. A. Sorokin

**DRAFT REFORMS OF THE ZEMSTVO ELECTORAL LEGISLATION
AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY IN THE ESTIMATES
OF THE NEWSPAPER “NEW TIME”¹**

The article is devoted to the consideration of the positions of the newspaper “New Time” in relation to the possible reform of the zemstvo electoral legislation of the Russian Empire in the early twentieth century. The paper shows the attitude of the newspaper's editorial staff to such components of discussions about possible areas of reform as the size of the property qualification, the representation of small landowners and townspeople in zemstvo assemblies, the introduction of an educational qualification.

Keywords: zemstvo elections, zemstvo electoral system, property qualification, small landowners, educational qualification, estate elections, “New Time”.

¹ Acknowledgments: The research was carried out with the financial support of the Grant Council of the President of the Russian Federation within the framework of the scientific project No. МК-2631.2021.2 “The Institute of Zemstvo elections in the socio-political discourse of the Russian Empire at the turn of the XIX – XX centuries”.

УДК 808.26 + 541.2

С. Ф. Бут-Гусаим

«ГОВОРЯЩИЕ» ПОЭТОНИМЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ И ДРАМАТУРГИИ БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В статье рассматриваются фамилии и прозвища персонажей исторической прозы и драматургии современных белорусских авторов – Георгия Марчука, Владимира Гниломёдова и Зинаиды Дудюк. Охарактеризовано происхождение поэтонимов. Описано образное содержание оценочно-характеризующих антропонимов. Рассмотрена национально-культурная специфика «говорящих» поэтонимов, отражающих менталитет народа, а также сформированные в белорусской лингвокультуре оценки человеческой природы, поведения, поступков.

Ключевые слова: оним, антропоним, поэтоним, фамилия, прозвище, индивидуальное прозвище, генесионимическое прозвище.

Предметом художественного осмысления в прозе и драматургии Владимира Гниломёдова, Зинаиды Дудюк и Георгия Марчука стала судьба белорусов-полешуков в тяжелые послевоенные десятилетия, когда люди отрывались от исконного образа жизни, семьи, храма, покидали родные дома, блуждали в поисках заработка по бескрайним просторам Советского Союза. В произведениях белорусских авторов осмысливаются вечные проблемы верности, веры и предательства, поиска человеком счастья. Трагическими были жизни оторванных от малой родины людей, которые забывали исконные моральные нормы. Несмотря на драматизм судьбы героев-полешуков, в произведениях звучит надежда на то, что

традиционный мир Полесья будет жить: «На долю полешуков в большей или меньшей степени выпали все те испытания, которые переживала Беларусь на протяжении многих веков. Одно я могу засвидетельствовать точно, что над Полесьем светит такое же, как везде, яркое солнце и колючие звезды посылают свой свет из глубин космоса так же таинственно и изумительно. А для тех, кто здесь родился, нет на свете лучшего уголка, чем полесские деревни, которые жили... да, жили, потому что деревни, как люди, рождаются и ... живут!» [3, с. 9].

Передавая многоголосие жизни белорусов XX века, авторы умело используют образно-изобразительные возможности такого показательного в

плане национально-культурного своеобразия компонента именослова, как прозвища и фамилии.

Цель представленной работы – выявить образно-изобразительную роль фамилий и прозвищ-поэтонимов, отражающих менталитет народа, а также сформированные в обществе оценки человеческой сущности, поступков, поведения. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения литературного ономастикона в контексте новой лингвистической парадигмы, в центре внимания которой – отражение в языковых знаках национальной культуры.

Ономастикон художественных произведений об истории Беларуси XX века рассматривался современными ономастологами. Автором статьи был изучен ономастикон исторической прозы брестского писателя Н. Сенкевича. В работе были рассмотрены образные особенности фамилий и прозвищ, этимологическая семантика которых сохраняет информацию о свойственных белорусскому этносу этических и эстетических нормах. Была проведена классификация фамилий и прозвищ-поэтонимов по семантическим признакам словообразовательных основ [2]. Г. В. Игнатик была изучена жанрообразующая роль антропонимов (прежде всего фамилий и прозвищ героев) в романе Зинаиды Дудюк «Услада и горечь» [11]. Исследовательницей был рассмотрен лингвопрагматический аспект антропонимикона драмы Георгия Марчука «Певчие сорок первого года» [12].

Научная новизна представленного исследования определяется неизучен-

ностью поэтонимикона современной белорусской литературы в лингвокультурологическом аспекте, способствующем рассмотрению онимов в тесном взаимодействии с культурно-историческими особенностями самобытного региона Беларуси – Полесья.

Научная значимость работы определяется тем, что ее основные положения могут быть использованы для дальнейшего развития литературной ономастики. Полученные результаты расширяют научные знания о роли и месте поэтонимов в системе национальной ономастики, позволяют глубже познать их природу и специфику.

Фамилии-поэтонимы – компоненты ономастикона исторической прозы и драматургии современных авторов – не только идентифицируют персонажей, но и характеризуют их моральные качества, выражают авторскую оценку героев, передают особенности белорусской лингвокультуры XX века.

Рассмотренные поэтонимы отражают присущие белорусской лингвокультуре модели образования антропонимов. Так, ряд фамилий образован от календарных имен. Основой фамилии *Хомка* послужило церковное имя *Фома*, которое в переводе с арамейского означает «близнец». В основу фамилии легла разговорная форма этого имени – *Хомка* (*Фома* > *Хома* > *Хомка*) [13, с. 350]. Основой фамилии *Яковук* послужило имя *Яков*, которое переводится с древнееврейского языка как «второй по рождению» [13, с. 450]. Фамилия *Платонов* образована от календарного имени греческого проис-

хождения *Платон* со значением «широкий» [13, с. 38]. Фамилия *Афиногенов* образована от имени *Афиноген* (греч. «умный, цветущий») [Там же, с. 12]. В основе фамилии *Гальяш* лежит разговорная форма имени *Илья* (др.-евр. «сила Божья») [Там же, с. 28]. В антропонимиконе рассмотренных произведений представлены фамилии, мотивированные отапеллятивными прозвищами (*Мурашка, Швед, Расторгуев*). В основе этих поэтонимов: 1) антропонимы-характеристики, описывающие качества личности (характер, национальность, ремесло): *Ломака, Швед, Немцов, Стальмашук, Ковальчук*; 2) именованья, образованные от названий предметов материальной культуры: *Латушка* («небольшая глиняная мисочка с загнутыми внутрь краями» [1, с. 247]); 3) прозвища, образованные от названий живых существ, растений: *Мурашка, Пролеска*.

Большинство фамилий героев мотивированы антропонимами, характеризующими род деятельности предков, выражающими мировоззрение древних людей, а именно их веру в единство с тотемом. Зинаида Дудюк в романе «Гонды» рассуждает о происхождении фамилий сельчан: «*Те из здешних людей, кто занимались ткачеством, во время переписи получили фамилию Ткачуки, кто был сапожником – Шевчуки... Короче говоря, жили в Лядах Кравчуки, Ковальчуки, Стальмашуки, Столярчуки и много других добрых и мастеровитых людей. Были фамилии, связанные не только с трудовой деятельностью, но с окружаю-*

щей средой: Волк, Голубь, Мураш, Баран» [5, с. 9]. Выразителями коннотации социальности являются антропонимы (они принадлежали панам – собственникам полесских деревень), которые содержат форманты *-ович-, -евич-, -ск-*, указывающие на принадлежность шляхетскому сословию: *Протасевичи, Яновичи, Маневичи, Ольшевские*.

Употребляются в исторической прозе и драматургии «говорящие» фамилии, которые очерчивают моральный облик, поведение персонажей. Непристойное, с точки зрения людей советского времени, поведение учительницы очерчивает фамилия *Шалапутова*: «*На этой же улице Лиза однажды видела, как ее учительница немецкого языка Шалапутова (дал же Бог фамилию) прямо на улице целовалась с каким-то мужчиной, и невзлюбила ее за это, а заодно и немецкий язык*» [6, с. 48]. Иногда смысловая нагрузка фамилии противоположна сущности героев: «*Но вспомните, как было с Аксёном. У него фамилия Кулак, кто-то не разобрал и записал его в кулаки. Пришли имущество описывать, а там – нищета*» [5, с. 14].

Характер бывшего зека выявляется в фамилии *Баламатюк*, смысл которой «прочитывает» молоденькая девушка Вера, героиня повести З. Дудюк «Ника»: «*Толик подростком немного отсидел в колонии. Тюремный дух настолько отравил его и выбил собственные мысли, что теперь он высказывался только лозунгами, которые видел на стенах тюрьмы или в*

отделении милиции, где очень часто бывал. Наверное, все его предки по мужской линии были болтуны или **баламуты**, иначе не получили бы такую фамилию, которая полностью соответствовала сути человека» [8, с. 84]. Молодой зек **Баламатюк**, большая часть жизни которого прошла в тюрьме, погиб в драке на деревенских танцах.

В упомянутую тематическую группу входит фамилия **Самосейка**, которая называет скромного служащего, героя пьесы Георгия Марчука «Святой грешник». Н. В. Бирилло выводит антропоним **Самосейка** от названия растения, которое вырастает в результате саморассеивания [1, с. 200]. Смысловая нагрузка фамилии-поэтонима соотносится со значением этимона антропонима: по воле случая Петр **Самосейка** становится главой Фонда «Справедливости и морали», бездумно растрачивая (**рассеивая**) средства на жен, чиновников и случайных знакомых. Говорящая фамилия **Стобаксов** принадлежит герою пьесы Георгия Марчука «Муж, жена и телохранитель». В фамилии – указание на состоятельность депутата парламента, а также на его убежденность, что всё в жизни можно купить за деньги.

Фамилия героини пьесы Георгия Марчука «Однажды на даче» Виталины **Кубышкиной** (ср. рус. **кубышка** – «копилка», **класть в кубышку** – «накапливать») соответствует характеру бизнес-леди – владелицы кафе, ресторанов, неутомимой собирательницы материальных благ. Фамилия персонажа упомянутого произведения **Кор-**

жиков косвенно свидетельствует о роде деятельности героя-кулинара.

Обстоятельства жизни ребенка-подкидыша (героя пьесы Георгия Марчука «Письма солдату») описывает фамилия **Среда**: «Подбросили в подъезд. В среду нашли, так и фамилию дали **Среда**» [15, с. 87]. Поэтонимом – указанием на род деятельности является фамилия **Ратников**, принадлежащая командиру роты.

Выразителями коннотаций оценочности, эмоциональности, национально-культурной специфики являются **прозвища-поэтонимы**. Сведения о роде деятельности, характере, особенностях речи предков сохраняют **семейно-родовые (генесионимические) прозвища**. Зинаида Дудюк останавливает внимание читателя на мотивации таких прозвищ: «К фамилиям начали добавляться еще и прозвища. Ту семью, где отец смотрел за панскими собаками, называли **Собачниками**. Тех, кто работал на конюшне, звали **Конюхами**, кто варил пиво – **Пивоварами**. Именования эти были не обидны, они лишь указывали на занятие, приносящее доход семье. Имелись у крестьян прозвища, приобретенные в течение жизни или в результате какого-то поступка, а для этого существовало множество оснований. Например, произносил мальчишка в раннем детстве не **батька**, а **бака**, так и остался **Баком** до самой смерти, ещё и жену его до сих пор **Бачихою** называют. Ляды – деревня обыкновенная, жили здесь, как всюду, евреи: трактирищик, кузнец да лавочник. Самых хитрых из

крестьян односельчане называли именами этих евреев. Иногда кто-то говорил: «Вой, Степане, ты хитер, как **Лейба**». И этого было достаточно, чтобы к человеку и его потомкам прилипла кличка **Лейбочка**. Так в деревне появились свои **Юделька, Хроим, Шимель, Мэйта**. Доходило до того, что настоящее православное имя забывалось, а еврейское прозвище знали все» [5, с. 9]. Прозвище может очерчивать материальное положение семьи: «На свадьбах играли на баяне, скрипке и барабане. **Колбасюками** их называли, потому что своих колбас никогда не имели, а только на свадьбах наедались, за обе щеки набивали» [Там же, с. 13].

Коллективное прозвище использовано в романе В. Гниломёдова «После войны»: «В Пруске цыган называли **“детьми ветра”**. Почему за ними закрепилось такое прозвище, Володик не знал. Разве что за беззаботность. Действительно, мужчины цыгане весь день лежали у костра и то и дело зевали» [3, с. 5].

Носителями коннотации национально-культурной специфики являются характерные для села **семейно-родовые прозвища**, словообразовательная основа которых – имена, фамилии, прозвища родственников лиц. Так, в романе В. Гниломёдова «После войны» находим **патронимы** – прозвания детей, образованные на основе именовании отца: **Тупчикова** Гапа, **Хомкова** Волька; **андронимы** – именованья жен, образованные на базе имён мужей: **Хомчиха, Василиха**. Многие мужчины во время войны по-

гибли, поэтому часто употребляемыми стали **матронимы** – именованья детей, образованные от имен, фамилий, прозвищ матери: «**Мыло в глаза въедается, – пожаловался Володька Христинин, переросток**» [4, с. 15]; «**Материнское имя Марина** передалось сыну в наследство, и Колю звали **Маринчик**» [Там же, с. 46]. В романе «Гонды» также широко используются **андронимы** (**Адарка Сымонкова, Онищиха, Клемова** Ева, **Бузюмиха, Вакулиха**), **матронимы** (**Настусин** Ахрем, **Бузюмишина** Маня), **патронимы** (Гэля **Юстинова**) и др.

Факты биографии носителей прозвищ и их родственников передают прозвища **Хорунжий, Партизанка**: «Его в деревне называли **Хорунжим** с того времени, когда он служил в польской армии еще в тридцатые годы и учился в школе подхорунжих. Прозвище было не обидным и полностью соответствовало Конону, который действительно был среди жителей деревни всегда первым, как знаменосец. Первый знакомился с районным начальством, угощал его, узнавал обо всех новостях и держал в кулаке деревню, потому что от него зависело, кто какую землю получит весной» [6, с. 24]; «Любу **Партизанку** называли так, потому что ее отец партизанил в войну» [Там же, с. 13].

Возлюбленного молоденькой девушки, героини повести «Ника», называют **Ромашка**. В мотивации прозвища, основа которого цветок – символ семьи, любви, верности, милой простоты и нежности, – искреннее чувство

к молодому человеку, которого любила и за которого мечтала выйти замуж.

Насмешливое прозвание *Домицеля* дала мать дочери, которая искренне увлеклась белорусской литературой: «У Якуба Коласа мне особенно нравились рассказы. Я даже пыталась маме рассказывать о Зыгмусе и Домицеле. Но мать посмеялась над мной и начала называть *Домицелей*» [8, с. 78].

Участник Русско-японской войны, герой романа В. Гниломёдова, получил прозвание *Федор-японец*. Женщина, в молодости побывавшая в публичном доме города Бреста, получила прозвище *Блудница Вавилонская*.

Запоминающимися зарисовками внешности являются прозвища *Петух*, *Грибочки*: «Клему люди за глаза почему-то называли *Петухом*. Он действительно был немного похож на эту птицу. Заносчиво посаженная голова на длинной шее с острым кадыком создавала впечатление, что ее обладатель если и скажет что-то, то очень важное» [5, с. 35]; «Были они в младенчестве крепкие, как *Грибочки*. Так их мать с умилением называла. Выросли они, а прозвище осталось» [6, с. 73]. Парня-модника описывает кличка *Стиляга*. Описанием внешности героини повести З. Дудюк «Ника» является прозвание *Максимка*, внутренняя форма которого раскрывается в микроконтексте: «Герман называл меня не *Верой*, а *Максимкой* за мою негритянскую кудрявую голову, сравнивая с чернокожим мальчиком из повести о русских матросах, которого они взяли юнгой к себе на корабль. Мне

понравилось это имя» [8, с. 82]. Внешность бомжей – героев повести З. Дудюк «Свободный полёт» – характеризуют прозвища: «*Вшивый* это. *Вши* его заедают. Не моется никогда... зря с ними борется. Одну поймает, а тем временем сто новых вырастают» [10, с. 34]; «Там Полина *Безногая*... Ноги у нее есть, но болят очень. Она мало и тяжело ходит, простудилась» [Там же].

Основой **беспрецедентных прозвищ** являются события, происходившие с человеком: «Прозвище это получил он еще подростком. Однажды в лесу увидел на ёлке шишки – и показалось ему, что они как-то так сложились, будто создали бронзовый бюст вождя пролетариата. Он радостно крикнул друзьям, мол, смотрите: там *Ленин, Ленин*. Мальчишки посмотрели, но ничего, кроме шишек не увидели, не были они наделены таким художественным воображением, которое имел Николай. С тех пор и закрепилось за ним прозвище *Ленин*, или ласково *Ленинка*» [5, с. 40]. Детская мечта стала основой именованья-характеристики *Жолнера*: «Прозвище получил земляк по той причине, что в детстве мечтал стать *жолнером*, так как там давали бесплатно одежду, обувь и оружие. Деревенскому мальчишке, который рос без отца, казалась большим счастьем возможность жить на государственный счет. Однако солдатом стать не успел, потому что Советы прогнали поляков» [6, с. 30]. Основой говорящего прозвища может стать национальность носителя, например, *Тонька-татарка* (повесть З. Дудюк

«Гонды»). **Прозвище-делокутив** образуется от часто употребляемого в речи персонажа слова: «*Хозяин до копейки отдавал зарплату жене, а потом каждую неделю просил: “Дай рублишко на винчишко”*». Его иначе в бараке не называли, как **Винчишко**» [6, с. 44].

Индивидуальные прозвища очерчивают черты характера, поведение, нравственный облик персонажей. В контексте пьес Георгия Марчука употреблены прозвища, относящиеся к разряду **онимов-реминисценций**. В основе таких прозваний лежит метафорическое использование имен героев мировой литературы и реальных исторических личностей. Так, героя мелодрамы «Письма солдату» настойчивого кавалера Тадеуша Сидорчика характеризует прозвище **Дон Жуан**. Хитрого таджикского солдата Мехмона Муртазу, который, виртуозно манипулируя старшиной, добивается поездки на родину, характеризует прозвище **Насреддин**. В основе прозвища – имя хитреца, героя распространенных в арабской, персидской, турецкой, среднеазиатской и китайской литературах анекдотов и коротких историй. А рядового Михаила Кулика, умевшего играть на баяне и кларнете, сочиняющего музыку, характеризует прозвище **Моцарт**.

Героя комедии Г. Марчука «Однажды на даче», любителя женщин Ивана Коржикова, характеризует прозвище **Казанова**: «*Она не может быть моею. Вот. Вот у меня все, все записано. С кем, когда, где, сколько*». – «**Казанова, учет ведешь**» [14, с. 78]. Основателя фирмы психореабилита-

ции Стаса Дударчика, стремящегося как можно быстрее разбогатеть за счет своих пациентов, оценивает прозвание, основа которого – имя персонажа сказки Алексея Толстого: «*Придумал бы болезнь, дал бы на лапу военному*». – «**Надо, Буратино, послужить**» [14, с. 85]. Средством характеристики героя пьесы З. Дудюк «Люба» – пьяницы, забывшего семью и даже имя, – является прозвище **Стаканович**: «*Я уже ничей. Одна у меня любовница – водка-разливанка*» [7, с. 123]. Выразителем отрицательной оценки Нелли Ивановны, продающей пьяницам водку на розлив, является прозвище **Наливановна**.

В отдельную группу выделены прозвища, образованные от «*nomina personalia*» – имён собственных. Поэтонимом-характеристикой пробивной, целеустремленной девушки, готовой для покорения любимого парня на обман, предательство подруги, является прозвище **Танка**, образованное от имени **Таня**. Внутренняя форма поэтонима раскрывается как в репликах героев («*Зато у меня есть Танка! Мощная, непробиваемая и въедливая, как клещ!*») [9, с. 20]), так и в описании аморальных поступков напористой героини. Прозвище-поэтоним **Ля**, образованное от имени **Лёля**, – средство характеристики и оценки романтической мечтательницы, смысл жизни которой сосредоточен в любви: «*Счастье – это когда рядом любимый человек. Просыпаешься утром, увидишь его и скажешь: “Я люблю тебя”. А он ответит тебе: “Я тоже”. Если маленький*

сын или доченька обнимут за шею и скажут: “Люблю тебя, мама!”. А больше ничего не хочу! Что Бог даст” [9, с. 40]. Прозвище лаконично характеризует возвышенную, утонченную натуру девушки: «*Не называй ее Лёлькой! Ее имя **Ля** – оно звучит как высокая нота*» [Там же]. Нашло отражение в романе «Гонды» в описании школьной жизни прозвище, образованное от фамилии. Учительница немецкого языка **Шаланутова** получила от школьников прозвище **Шеля**.

Прозвища – средство характеристики социальной среды, в которой разворачивается действие. Например, бомжи (герои повести З. Дудюк «Свободный полёт») именуется исключи-

тельно прозвищами: «*А там дальше – **Карась**, слева – **Арбуз**... Этот чувак образованный, говорил, знает два иностранных языка, преподавал что-то в институте...*» [10, с. 34].

Главная функция прозвищ и фамилий-поэтонимов как важнейших средств создания художественного образа в исторической прозе и драматургии – **поэтикономастическая (художественная)**, в составе которой важнейшую роль играет культурно-исторический компонент. Именования персонажей соответствуют белорусской этнокультурной среде XX века. Поэтонимы «вписаны» в социокультурный контекст, культурно-исторически обусловлены.

Библиографические ссылки

1. Бірыла М. В. Беларуская антрапанімія: Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск : Навука і тэхніка, 1969. 508 с.
2. Бут-Гусаим С. Ф. Антропонимикон прозы Николая Сенкевича // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье : материалы междунар. науч.-просветит. форума. Брянск : Брян. гос. ун-т, 2022. С. 433 – 439.
3. Гнилomedов В. После войны // Полымя. 2014. № 11. С. 3 – 47.
4. Гнилomedов В. После войны // Полымя. 2014. № 12. С. 3 – 48.
5. Дудюк З. Гонды // Полымя. 2013. № 11. С. 8 – 59.
6. Дудюк З. Гонды // Полымя. 2013. № 12. С. 10 – 73.
7. Дудюк З. Люба // Белорусская драматургия. 1992. Вып. 4. С. 121 – 170.
8. Дудюк З. Ника // Полымя. 2015. № 3. С. 74 – 97.
9. Дудюк З. Разлучница. Брест : Академия, 1996. 56 с.
10. Дудюк З. Свободный полет // Полымя. 2016. № 12. С. 17 – 50.
11. Игнатик Г. В. Жанрообразующая роль антропонимов в романе Зинаиды Дудюк «Услада и горечь» // Молодежь в науке и творчестве : материалы междунар. науч. форума обучающихся. Гжель : Гжел. гос. ун-т, 2021. С. 196 – 198.

12. Игнатик Г. В. Антропонимикон драмы Георгия Марчука «Певчие сорок первого года // Молодежь в науке и творчестве : материалы междунар. науч. форума обучающихся. Гжель : Гжел. гос. ун-т, 2021. С. 69 – 72.

13. Лемтюгова В. П., Гапоненко И. О. Корни наших фамилий = Карані наших прозвішчаў. Минск : Звязда, 2018. 672 с.

14. Марчук Г. Однажды на даче // Полымя. 2015. № 12. С. 57 – 85.

15. Марчук Г. Письма солдату // Полымя. 2013. № 2. С. 82 – 117.

S. F. But-Gusaim

**“TALKING” POETONYMS IN THE CONTEXT OF HISTORICAL PROSE
AND DRAMA BY BELARUSIAN WRITERS**

The article deals with the surnames and nicknames of the characters of historical prose and dramaturgy by modern Belarusian authors George Marchuk, Vladimir Gnilomedov and Zinaida Dudyuk. The origin of poetonyms is characterized. The article describes the figurative content of evaluative and characterizing anthroponyms. The national and cultural specifics of “talking” poetonyms, which reflect the mentality of the people, the assessments of human nature, behavior, and actions, which are formed in the Belarusian linguoculture are considered.

Keywords: onym, anthroponym, poetonym, surname, nickname, individual nickname, genesionymic nickname.

**СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ИСЛАМСКОМ
ОБЩЕСТВЕ**

В статье рассматривается развитие и становление науки в средневековом исламском обществе, а также достаточно подробно описываются предпосылки развития религиозного и светского гуманизма в мусульманской культуре, что послужило началом возникновения такого сциентифического периода, как «мусульманский Ренессанс». Автор статьи приводит имена знаменитых ученых исламского мира Средневековья и Нового времени, что помогает лучше понять, какой весомый вклад внесли мусульманские ученые в развитие мировой науки и культуры в целом.

Ключевые слова: ислам, мусульмане, Античность, греческое влияние, Средневековье, наука, ученые, гуманизм, Коран, арабский язык, «мусульманский Ренессанс».

Если представители других
религий теряют веру от постижения
знаний, то у мусульман от увеличения
знаний усиливается вера.

Шарль Мисмар

**Предпосылки развития гуманизма
в исламской культуре**

С момента зарождения исламской цивилизации (англ. Islamic civilization), доминантой в которой была религия ислам (англ. Islam), многие мусульманские правители проявляли большой интерес к различным наукам, т. е. они высоко ценили ученых и пытались создать всевозможные условия для научного изыскания, а также всесторонне сохраняли, приумножали и распространяли знания, что способствовало скорейше-

му и продуктивному развитию исламской культуры, благодаря чему возник значительный интерес многих иностранных ученых к мусульманскому академическому миру того периода. Следует подчеркнуть, что классическая мусульманская культура (англ. classical Muslim culture), или арабо-мусульманская культура (англ. Arab-Muslim culture), ознаменовала собой расцвет гуманизма (англ. humanism), который сочетал в себе и религиозную, и светскую направленность. Его религиозная база связана с тем, что кораническое учение ставит человека выше всех божественных созданий, а светскость выражалась в том, что одно из основных мест в мусульманском мире занимали знания [2]. Стоит подчеркнуть, что религия ислам появилась

не только как система определенных верований и обрядов, но и как достаточно осмысленная концепция идей государственного, общественного и правового устройства, которая включала в себя различные науки, так как до прихода ислама арабский полукучевой мир давно уже тревожил коллапс не только духовной, но и социальной направленности, и лишь в результате прихода ислама начала образовываться общая цивилизация арабского народа, основой которой служила исключительная мусульманская картина миропонимания.

Необходимо отметить, что в мире ислама интерес к постижению знаний возник именно при изучении Священного Корана (англ. The Holy Quran) и арабского языка (англ. Arabian language), главным образом литературного арабского языка (араб. العربية اللغّة الفصحى al-fuṣḥā) как языка Корана, так как в соответствии с идеологией ислама истинно познать Бога (араб. الله Аллах) можно только благодаря тщательному изучению мира, который Он создал. Идеалом человека в это время стала всесторонне просвещенная личность, обладавшая широким кругозором, высокими нравственными и интеллектуальными качествами, а многочисленные культурные традиции строились в мусульманском мире на единых принципах соответствия кораническому учению и Сунне (англ. Sunnah; араб. سنة), в которой изложены примеры из жизни пророка Мухаммеда (тем самым она дополняет Коран, но не противоречит ему). Следовательно, приобретение знаний и их поиск считались святым делом; таким об-

разом, возникает почитание просвещения, именно поэтому в мусульманском мире ученые занимали высокое положение в обществе. Среди них отдельные группы составляли теологи и знатоки мусульманского права, представители светского знания – специалисты в области философии, математики, химии, медицины и других наук. Интересен тот факт, что теологические знания и светские знания в исламе не состояли в содержательно-информативном противоречии по отношению друг к другу, как это было в средневековом европейском обществе, где на тот период господствовало католическое христианство. Такой религиозно-научный подход к поиску знаний возможен в силу того, что в самом Коране людей неоднократно призывают к постоянному стремлению получать общие знания о мире, в котором они живут, поскольку исламское вероучение базируется исключительно на рациональном понимании Бога. Следовательно, религия ислам тождественна истинному научному познанию.

Согласно хадисам (англ. Hadiths), (араб. الحديث – предание о словах и действиях пророка Мухаммеда), пророк Мухаммед говорил: «Лицемерие ученых равнозначно молитве» [2], «стремление к знаниям – обязанность каждого мусульманина» [5]. Существует и множество других хадисов, в которых говорится о важности и необходимости приобретения полезного знания, следовательно, в исламском мире практически не было неграмотных людей, а частое использование именно арабского языка было одним из факторов, спо-

собствовавших популяризации знаний в мусульманских странах того времени. В период правления омейядского халифа аль-Валида ибн Абд-аль-Малика (705 – 715), (араб. عبد بن الوليد, 668 – 715) арабский язык был объявлен правительственным языком мусульманского Халифата (англ. Muslim Caliphate) [3]. Недаром первыми центрами получения образования в исламском мире стали мечети, выполнявшие роль своеобразных университетов, в которых велось обучение не только религиозным, но и светским наукам. Вклад некоторых из них в развитие учености на Востоке можно признать выдающимся – большая мечеть Омейядов в Дамаске (араб. الجامع الكبير في دمشق – одна из крупнейших и старейших мечетей в мире), каирская мечеть аль-Азхар (араб. الأزهر – один из старейших в мире университетов) фактически стали настоящими научными центрами, значимость которых сохраняется и по сей день [2].

Исламский моральный кодекс призывает ученого никогда не отказывать в помощи человеку, стремящемуся к знаниям, поскольку знание не является личным имуществом его обладателя и ученый не имеет права оставлять его только для себя. Один из хадисов отмечает: «Поистине, ученые являются наследниками пророков» [6]. Следует отметить, что для исламского миропонимания характерна высокая оценка систем разума и знаний, так как именно разум, знание и истина – глубоко взаимосвязанные понятия в исламе, занимающие важное место в исламской культуре (англ. Islamic culture) [4, с. 13].

«Мусульманский Ренессанс»

Культура арабского мира достигла своего расцвета именно в IX – XII вв. Этот период вошел в историю как эпоха «мусульманского Ренессанса» (англ. the epoch of Muslim Renaissance). Тогда создавали знаменитые философы, поэты, ученые, а города Багдад (араб. بغداد – «божий дар», город в Ираке), Басра (араб. البصرة – город на юго-востоке Ирака), Куфа (араб. الكوفة – аль-Куфа, город в Ираке), Самарканд (араб. سمرقند – город в Узбекистане), Бухара (араб. بخارى – один из древнейших городов Центральной Азии, город в Узбекистане) стали крупнейшими культурными и научными центрами мира, своеобразными наукоградми исламской цивилизации. Образованность и интеллигентность той эпохи стали неким единым началом достижений всего человечества, так как большинство исламских ученых опирались на труды своих античных предшественников. В это время появляются особые научные центры и учреждения, куда приглашались ученые со всего мира. В IX в. в Багдаде был создан знаменитый «Дом мудрости» (англ. The Wisdom House; араб. بيت الحكمة, Байт аль-хикма – исламская академия), где происходило обучение, отбирались значимые книги, выполнялись переводы трудов по философии, медицине, математике с различных языков мира на арабский и сирийский, тем самым медресе (мадраса, араб. مدرسة – учебное заведение при мечети) становится неким институтом, дающим целенаправленное образование [2].

По предположениям многих исследователей современного мира (востоковедов и исламоведов), ислам активизировал арабо-мусульманскую культуру благодаря основному детерминанту – монотеистическому мировоззрению, которое вывело арабов-мусульман на новый многофункциональный уровень понимания мироустройства и определенного положения человека в нем. Впоследствии, благодаря своему позитивно-научному развитию, арабо-мусульманская культура встала в один ряд с такими эпохальными культурами прошлого и настоящего, как персидская, византийская, эфиопская и античная, выработав собственный сверхинтеллектуальный язык, использование которого подразумевало позитивный обмен информацией на одинаковых с этими культурами условиях.

Греческая интерференция сильно повлияла на многие науки (математику, астрономию, географию, химию, физику, естествознание и медицину) и философию, особенно в период «мусульманского Возрождения». Перевод греческих книг послужил толчком к распространению образования в IX и X вв. в исламских государствах. Активизировалась переводческая деятельность при Омейядах (араб. الأمويون, бану Умайя – араб. بنو أمية – династия халифов, основанная Муавией в 661 г.), когда были переведены некоторые греческие и коптские труды по химии. Важнейшим периодом стал IX в., особенно правление Аль-Мамуна (813 – 833), (Абуль-Аббас Абдуллах ибн Харун аль-Мамун, известный как аль-Мамун, араб. المأمون; багдадский халиф

из династии Аббасидов, астроном), который создал школу переводчиков в Багдаде с библиотекой и штатными сотрудниками. Одним из самых известных переводчиков и лингвистов IX в. был Хунайн ибн Исхак (Абу Зейд Хунайн ибн Исхак аль-Ибади, араб., أبو زيد حنين بن إسحاق العبادي, 809 – 873), христианский врач из Гондишапура (араб. جنديسابور, персидский город). Другие переводчики работали с астрономией, философией и математикой, переводя их с греческого языка на арабский, а также сирийский языки. Халифы старались как можно чаще посылать ученых в разные страны и даже в Византию на поиски ценных рукописей и книг. Выросло целое поколение оригинальных мусульманских авторов, преимущественно иранцев: врач Ар-Рази (Абу Бакр Мухаммад ибн Закария ар-Рази, 865 – 925), врач и философ Ибн Сина (Авиценна) (перс. ابو علي حسين بن عبدالله بن سينا – Abū ‘Alī Husein ibn ‘Abdallāh ibn Sīnā, 980 – 1037) и величайший из всех Аль Бируни (Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни, перс. ابوریحان بیرونی, араб. أبو الريحان البيروني, 973 – 1048) – врач, астроном, математик, физик, химик, географ и историк, одна из величайших фигур средневекового ислама.

В сфере медицины арабские и персидские ученые мусульманского Средневековья не затронули основополагающих теорий ученых Греции, а лишь дополнили их практическими наблюдениями и клиническим опытом. Более масштабный и выдающийся вклад был внесен в сферу математики, физики и химии (например, арабские цифры, позицион-

ная нумерация, включая использование нуля, были привезены из Индии). Однако именно на мусульманском Ближнем Востоке они вошли в основной корпус математической концепции, откуда затем проникли в Европу. Алгебра (араб. *Al-gabr – الجبر*), геометрия (араб. *الهندسة*) и особенно тригонометрия (араб. *علم المثلثات*) были в основном арабскими изобретениями [1, с. 158, 159].

В философии очень важным было введение греческих идей (англ. *Greek ideas*). Сначала они вошли в доктрины мусульманских ученых при аль-Мамуне, когда переводы Аристотеля оказали влияние на всю философию и богословское мировоззрение ислама, а также на труды многих исламских мыслителей, таких как аль-Кинди (Абу Юсуф Якуб ибн Исхак аль-Кинди, араб. *الكندي*, 801 – 873), аль-Фараби (Абу Наср Мухаммед ибн Мухаммед аль-Фараби, араб. *الفارابي*, 870 – 951), Ибн Сина и Ибн Рушд (Абу-ль-Валид Мухаммад ибн Ахмад аль-Куртуби, араб. *ابن رشد*; 1126 – 1198). Однако многие востоковеды современности утверждают, что мусульманский Восток (англ. *Muslim East*), сохранив научное и философское наследие Древней Греции, тем не менее практически не затронул ее эстетическое наследие, которое было известно лишь на Западе, но на самом деле представители мусульманского мира все-таки продолжали традиции греко-римского искусства и архитектуры, впоследствии преобразовав его в нечто яркое и необычное, тем самым подчеркнув свою эстетическую индивидуальность. Тенденции византийского искусства, направленного к абстрактному и фор-

мальному, были усилены в исламе, где запрет на изображение человека в итоге привел к появлению искусства стилизованных геометрических орнаментов (англ. *Arabic geometric ornament*). Однако основное место в мусульманском искусстве (англ. *Muslim art, or Arabic art*) занимала художественная каллиграфия (арабская каллиграфия или исламская каллиграфия, англ. *Arabian or Islamic calligraphy*), считавшаяся самым высоким видом искусства, где цитаты из Корана, выполненные арабской вязью (англ. *Arabic script*), наносятся на стены мечетей. Впоследствии в разных концах мусульманского Востока сложилось несколько школ каллиграфии. В декоративных искусствах и ремеслах лучше всего заметна именно самобытность исламской цивилизации. Одно из характерных достижений исламского искусства – знаменитая прекрасная майолика (англ. *majolica*) – разновидность керамики, во время правления мусульман попавшая из Ирана в Испанию. Таким образом, ремесленники исламской империи развили искусство обработки металла, дерева, камня, слоновой кости, стекла и прежде всего текстиля и плетения ковров. Сначала это было заимствование, затем подражание и репликация, и только потом выработались уникальные исламские стили (англ. *Islamic styles*) [1, с. 159 – 161].

Выводы

Влияние греческого наследия на ислам привело впоследствии к появлению своеобразного слияния научной рассудительной тенденции нового знания и атомистически-интуитивного аспекта ис-

ламской религиозной мысли, что в итоге послужило созданию богатой и разнообразной культуры, которая впоследствии оставила неизгладимый след в истории всего человечества.

Необходимо отметить, что мусульмане по-настоящему гордятся тем, что смогли сохранить колоссальное научное наследие прошлых цивилизаций (в особенности античное наследие), посодествовав последующему развитию философии и других наук. Именно уважительное отношение к иностранной культуре значительно отличало мусульманских правителей от многих других завоевателей. Э. Р. Кулиев (азербайджанский учёный, религиовед, исламовед и философ, автор перевода смысла Корана на русский язык, 1975) в своем учебном пособии «Исламоведение» (2008) отмечает: «После покорения монголами Багдада и падения Кордовы были сожжены библиотеки и разрушены тысячи памятников мусульманской культуры. По свидетельствам историков, в Кордове испанцы сожгли около семидесяти книгохранилищ, в которых находилось свыше 1 050

000 томов. Монголы после завоевания Багдада сбросили сотни тысяч книг в реку Тигр, после чего вода в реке в течение трёх дней оставалась чернильного цвета» [3].

Многие мусульманские ученые и по сей день вносят большой вклад в развитие мировой науки. Их научные открытия признают не только на родине, но и за границей. Среди них: известный пакистанский химик, основатель пакистанской академии наук Салимуззаман Сиддики (1897 – 1994), индийский врач Хаким Аджмал-хан (1863 – 1927), пакистанский физик, лауреат Нобелевской премии 1979 г. Абд-ас-Салям аль-Кадияни (1926 – 1996), азербайджанский математик, создатель пяти фундаментальных научных теорий, в том числе теории нечёткой логики, Лотфи Аскер-заде (1921 – 2017), египетский геолог, один из руководителей американской программы полёта человека на Луну «Аполлон», сейчас – директор бостонского Центра дистанционного сбора данных Фарук аль-База (1938 г.) и многие другие.

Библиографические ссылки

1. Бернард Л. Арабы в мировой истории. С доисламских времен до распада колониальной системы / пер. с англ. Т. М. Шуликовой. М. : Центрполиграф, 2017. 223 с.
2. Ислам, наука и культура [Электронный ресурс]. URL: <http://sdamzavas.net/1-6855.html> (дата обращения: 06.10.2022).
3. Кулиев Э. Р. Исламоведение [Электронный ресурс]. URL: <https://religion.wikireading.ru/33319> (дата обращения: 06.10.2022).
4. Смирнов А. В. История арабо-мусульманской философии. М. : Академ. Проект, 2013. 225 с.

5. Хадисы о ценности знаний [Электронный ресурс]. URL: <https://islamdag.ru/verouchenie/23222> (дата обращения: 05.10.2022).

6. Энциклопедия хадисов [Электронный ресурс]. URL: <https://hadis.uk/> (дата обращения: 05.10.2022).

S. Sh. Abdullaeva

THE FORMATION OF SCIENCE IN THE MEDIEVAL ISLAMIC SOCIETY

The author in the article examines the development and formation of science in the medieval society of Islam, and also describes in sufficient detail the prerequisites for the development of religious and secular humanism in Muslim culture, which was the beginning of the emergence of such a scientifically period as the “Muslim Renaissance”. The author of the article cites the names of famous scientists of the Islamic world of the middle Ages and modern times, which helps understand better, what significant contribution Muslim scientists made to the development of world science and culture in general.

Keywords: Islam, Muslims, antiquity, the Greek influence, the Middle ages, science, scientists, humanism, the Quran, Arabian language, the “Muslim Renaissance”.

УДК 2-1

Е. И. Аринин, К. Лю

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОГЕ В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (часть 1)

Статья содержит попытку сравнительного религиоведческого анализа денотатов и коннотатов термина «Бог» («божественное») в контексте их становления в китайской и российской культурах. Первые переводы несториан евангельского понятия о Боге привели к его отождествлению с Буддой («佛», «фо»), т. е. к коннотации с «безграничным светом» и «пробудившимся», с самим бытием «сияющей просветлением сакральной мудрости, отделенной от профанного мира обычных людей».

Ключевые слова: Россия, Китай, «Бог», «божественное», религиоведение.

Введение

Представления о той реальности, которая обозначается словом «Бог» в мировой культуре (если обратиться к такому популярному современному справочнику, как Википедия), описываются в 193 национальных версиях этого издания (на 10.10.2022). Для сравнения укажем на ряд терминов, которые в российском секторе этого глобального справочника сопоставлялись с данным феноменом, в том числе и противопоставлялись ему: «материя» (132 языковые версии), «природа» (160), «атеизм» (164), «религия» (222), «наука» (229) и «философия» (229). Иначе говоря, существуют около 30 языковых культур, представленных в Википедии, где признаются феномены науки и философии, но нет феномена Бога. Авторы статьи работают в рамках подходов религиоведения, т. е. «науки о религии», возникшей в 70-х годах XIX века, с целью беспристрастного и объективного описания многообразия социальных феноменов, которые в истории получали как позитивные, так и негативные оценки – «религия», «вѣра», «благочестие», «нечестивость», «суеверие», «безбожие», «язычество», «ересь», «колдовство» и т. п.

Методологические подходы

Китай и Россия в XX веке прошли особый этап развития, когда политической нормой был так называемый «государственный атеизм». При этом в новом тысячелетии, согласно глобальным социологическим исследованиям

Pew Research Center (The Global Religious Landscape), «атеисты, агностики и другие люди, не принадлежащие к какой-либо религии, хотя их число увеличивается в таких странах, как Соединенные Штаты и Франция, будут составлять сокращающуюся долю от общей численности населения мира» [1]. Тем не менее согласно ряду опросов «доля атеистов среди китайцев составляет 90 %, а верующих – всего 7 %» (2015) [8]. В России «в 2017 году атеистами себя называли 7 % россиян», но «в 2021 году их число выросло до 14 %», при этом атеистов среди молодежи – 22 % [4].

Такие подсчеты требуют корректного религиоведческого анализа ключевых терминов, использованных при опросах. Хорошо известно, что русская и китайская культуры очень своеобразны, но в обоих языках есть знаки (слова и иероглифы), как, к примеру, это представлено в Википедии, которые обозначают отождествляемые феномены (например, те, которые именуются «Бог» / «神»). Ниже мы остановимся на некоторых аспектах сравнительного религиоведческого описания как знаков, так и их значений в двух культурах.

Истолкование этих слов в истории могло принимать предельно альтернативные формы, что, например, проявилось в публикациях ряда влиятельных справочных изданий. Так, в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (1891) позитивно отмечалось, что «во всех религиях существует

представление о Боге или о богах (кроме буддизма) как живых и личных существах, отдельных от природы и имеющих отношение к человеку. Сходясь в этих общих представлениях, свойственных всем религиям и составляющих существенную черту религии вообще, частные представления в различных религиях разнообразятся, смотря по национальности и степени культурности народа» [5, с. 206]. В противоположность этому в первом издании Большой Советской Энциклопедии (1927) негативно утверждалось, что слово «бог» выступает как «название, которое придается высшему из духов анимистического мира», а все, кто верил в Бога, обозначались как «анимисты» [11, с. 568 – 570]. Важно обратиться (несколько схематично ввиду ограниченности объема статьи) к некоторым деталям описаний ряда локальных особенностей становления представлений о реальности, именуемой «Бог» / «神» в китайской и российской культурах, опираясь на подходы современного религиоведения и семиотики, с позиций которой каждое слово выступает как знак (лексема или иероглиф), имеющий денотат (предметное, объективное значение) и коннотат (концепт, субъективный смысл).

Представления о феномене «Бог» в китайской культуре

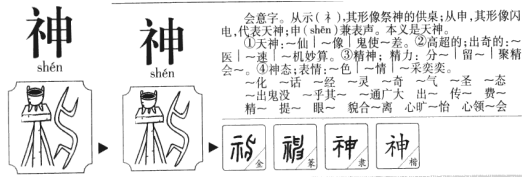
На первый взгляд может показаться, что в современном Китае нет «верующих в Бога», поскольку всем известно распространенное мнение, что офици-

ально эта страна – «государство коммунизма и атеизма», поскольку, согласно социологическим опросам, значительная часть китайцев тоже считает себя «атеистами» [12]. Иероглиф «神», согласно Википедии, является синонимом русской лексемы «Бог». Иначе говоря, в китайском сознании так или иначе присутствует понятие о Боге. Необходимо прояснить, что в этом контексте значит слово «Бог».

Китайские иероглифы – это символы, которые прямо выражают определенное значение и смысл, т. е. в целом сам факт существования какого-либо иероглифа означает, что существуют определенные денотаты (значения) и коннотаты (смыслы), которые призваны способствовать тому, чтобы люди понимали друг друга.

Иероглиф «神» существует с момента зарождения Китая как государства в эпоху династии Западная Чжоу (1046 – 770 гг. до н. э.), когда происходило становление и оформление в правящих элитах страны первых представлений о подлинных и солидарных формах почитания незримых сил Неба и Земли, которым с XV века стали посвящать грандиозные храмовые строения, в том числе и «Храм Неба» в Пекине, возведенный в 1420 году и включенный в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Религиоведение привлекает данные лингвистики, в которой иероглиф «神» определяется как обозначение многозначного термина, семантически сходного с рус-

скоязычными значениями «бог», «божество», «дух», «сверхъестественный», «сознание» и т. п. [2].

Левая часть этого иероглифа – ключ «示» – представляет собой видоизменение иероглифа «示», который первоначально обозначал «жертвенник», соотносясь со значениями «указание» или «показывать», т. е. выражает общение между людьми и Богом, когда люди приносят ему жертвы, а он им сообщает свои требования и устанавливает правила жизни (посылает информацию). Кроме того, в иероглифе «神» существуют коннотации с понятиями, которые обозначаются иероглифами «福» («счастье»), «祈» («молиться»), «祥» («благоприятный признак» (знак)), «祖» («предок») и т. д. Интересно, что все эти смыслы не зависят только от действий человека, выражая понятия о феноменах, которые не могут быть произвольно вызваны индивидом (например, «счастье», которого все хотят, при этом мы можем только стараться достичь его, но ни один человек не может утверждать, что он действительно способен его получить). Аналогично и понятие «молитва» означает признание, что всё зависимо именно от Бога, который может подавать людям «благоприятные

знаки», а понятие «предок» выступает как символ традиционного представления китайцев, что родственники, которые умерли, ушли к Богу, и сложилась традиция приносить им жертвы, поскольку считается, что так можно получать их милость и поддержку. В русскоязычной литературе такие верования получили название «шэнизм», т. е. китайская народная религия [6].

Иероглиф «申» (правая часть иероглифа «神») представляет собой изображение молнии в небе. В древних культурах по всему миру молния выступала как явление, которое часто понималось как послание людям от Бога в качестве особого знака; при этом все видели такое явление, считая его именно проявлением Бога, но никто не может видеть Бога самого по себе. Люди периодически встречаются с проявлениями силы Бога, знают, что нечто могущественное существует, но не знают того, что это именно, т. е. нам даны в культуре только коннотаты, но не денотаты знаков «Бог» / «神». Мы можем видеть только то, что нам показано.

В этом контексте сделаем попытку обобщить некоторые смыслы многозначного китайского понятия «Бог» / «神», отметив, что оно коннотирует, прежде всего, с признанием такого таинственного бытия, которое способно влиять на людей. Люди не знают, что именно оно собой представляет, не могут манипулировать им, но при этом чувствуют присутствие чего-то, что (кто) существует, влияя на жизнь людей.

Вопрос о том, насколько сопоставимы китайское и российское понимание феномена, обозначаемого на кириллице словом «Бог», согласно ряду исследований, начал обсуждаться уже более 1500 лет назад, еще в период первых контактов с иноземными купцами китайцев как подданных «天子» («Тянь-цзы», «Сына Неба», императора «Поднебесной») [17, с. 298 – 300]. В этом контексте начинают переводить Библию на китайский язык, поскольку с купцами, приходящими по «великому шелковому пути», прибывали представители персов, армян, византийцев и других народов, приносивших с собой учения зороастризма («祆教» – «религия почитания огня», 拜火教 или 琐罗亚斯德教), манихейства (明教 – «религия Света», «учение света», 摩尼教) и несторианства (景教 – «сиятельное учение», «сияющая», «лучезарная», «просветляющая религия») [3, с. 6 – 9]. Иногда их именуют собирательным названием «сань-и-цзяо» (三一教 – «три варварские религии») [18]. Им противостояла концепция единства собственных «трех учений» (三教 – сань цзяо), т. е. конфуцианства, даосизма и буддизма, поскольку, как говорилось в известной народной поговорке, «внешне китаец – конфуцианец, внутри – даос, при смерти – буддист» [10, с. 93]. Для религиоведения, особенно феноменологии религии, эти

учения выступают как локальные формы «почитания сакрального» [16, с. 7]. Несторианство, являясь в тот период самым влиятельным на Востоке направлением истолкования христианской традиции, осужденным в Константинополе как «ересь» (431), тем не менее принесло в этот регион в своих текстах евангельское понятие «Бог», которое первоначально передавали буддийским термином «Будда» («佛» – «фо», «безграничный свет», «пробудившийся»), т. е. бытие того, что конотирует с «сияющей просветлением сакральной мудростью, отделенной от профанного мира обычных людей» [16, с. 7].

В эти столетия формируется проблема разделения доступного для всех народного «просторечия» и «ученого языка» образованной элиты придворных кругов, чиновничества и интеллектуалов для описания универсальной «всемогущей реальности». Позднее Библию начали переводить католики (Matteo Ricci, 1552 – 1610), а с XIX века протестанты (Robert Morrison, 1782 – 1834) и православные (Иакинф, Н. Я. Бичурин, 1777 – 1853). Католики для обозначения понятия «Бог» использовали иероглиф «天主» («небесный владыка», «верховный правитель» или «высший предок»), протестанты – «上帝» («Шан-ди», «Небо», «верховный/небесный правитель/владыка», «хозяин неба»), а в православных переводах и сейчас идет дискуссия о предпочтении иероглифа «神» (shén,

Шень, сочетание коннотации с «подставкой для жертвоприношений» и «молнией»). Так, изданный в Пекине первый русско-китайский словарь миссионера Исаяи (Поликин Иван Федорович, 1830 – 1871) переводит слово «Богъ» иероглифом «天主» [15, с. 21]. Другой словарь отождествляет лексему «Богъ» с двумя иероглифами – «天主» и «上帝» [14, с. 35]. Третий словарь содержит только иероглиф «上帝» [7, с. 29]. Современный «Русско-китайский словарь православной лексики» наряду с термином «Бог» (Господь) как «上帝» («主») приводит еще ряд богословских терминов, так называемых «конфессионимов», «теонимов» и «религионимов» (Бог-Дух Святой, Бог-Отец, Бог-Слово, Бог-Сын и Божественное); при этом автор отмечает, что «составление подобного словаря оказалось весьма трудоёмким не только из-за отсутствия в китайском языке точных эквивалентов, неразработанности соответствующей лексики

и её засорённости буддийской терминологией, но и по причине разного подхода специалистов к переводу необходимых понятий» [13]. Такие замечания напоминают некоторые радикальные оценки XIX века, где, к примеру, В. Н. Ретивцев (1832 – 1883) мог писать, что «нигде, по-видимому, так не уважается образование и наука, как в Китае», но при этом уже на следующей странице утверждать, что «воображение у китайца развито гораздо менее, чем у всех известных исторических народов», а «его религия едва достойна этого имени даже по сравнению с религиями язычества» [19, с. 87 – 88]. Таким образом, исследователи, включая лингвистов, еще не решили, какое именно соответствие можно и следует установить между обозначениями «Богъ», «Бог», «божественное»: «神», «天主» «上帝» и «主». Религиоведению в целом еще предстоит решить задачу описания китайской и российской религиозности в терминах эвристичной концепции «вернакулярной религии» [9, с. 135].

Библиографические ссылки

1. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010 – 2050 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> (дата обращения: 18.09.2022).
2. 汉字神的基本解释 [Электронный ресурс]. URL: <http://qi yuan.chaziwang.com/etymology-11187.html> (дата обращения: 18.09.2022).
3. Баринаева Е. Б. Проблема проникновения некоторых иноземных религий на территорию древнего Китая в отечественных и зарубежных исследованиях // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 2 (10). С. 6 – 9.
4. В России за четыре года вдвое выросло число атеистов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/03/2021/6059a2fd9a7947c314aab9c4> (дата обращения: 18.09.2022).

5. Васильев П. П. Богъ // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. Т. IV (7). Битбург – Босха. СПб. : Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1891. С. 206.
6. Во что верят китайцы? Главные религиозные течения Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://ekd.me/2022/08/religion/> (дата обращения: 18.09.2022).
7. Карманный русско-китайский словарь. Изд. 4-е. Пекин : Типография Успенского монастыря при Русской Духовной Миссии, 1908. С. 29.
8. Китайцы не верят в Бога [Электронный ресурс]. URL: <https://www.factroom.ru/religiya/kitajcy-ne-veryat-v-boga> (дата обращения: 18.09.2022).
9. Маркова Н. М., Лютаева М. С. Народная религия как феномен межкультурной коммуникации: концептуализация понятия «родного»/«вернакулярного» // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6, № 1. С. 135.
10. Марханова Т. Ф. Религиозная политика династии Суй и традиционная китайская система «Трех учений» (Сань Цзяо) // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2017. № 1. С. 93.
11. Покровский М. Н., Луппол И. К. Бог // Большая Советская Энциклопедия : в 66 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М : Советская Энциклопедия, 1927. Т. 6. С. 568 – 570.
12. Религия в Китае [Электронный ресурс]. URL: <https://ruchina.org/religion.html> (дата обращения: 18.09.2022).
13. Румянцева М. В. Русско-китайский словарь православной лексики [Электронный ресурс]. URL: <https://dereksiz.org/russko-kitajskij-slovar-pravoslavnoj-leksiki.html> (дата обращения: 18.09.2022).
14. Русско-китайский словарь П. Попова. Изд. 3-е. Токио : Типография Сан-Кю-Ша, 1900. С. 35.
15. Русско-китайский словарь разговорного языка: (Пекинского наречия) / сост. И. Исая, пекинский миссионер. Пекин : [издан иждивением Кятинских 1-й гильдии купцов Ф. Ф. Чемякина и М. Ф. Осокина], 1867. С. 21.
16. Сакральное на традиционном Востоке / отв. ред. А. Л. Рябинин ; ред.-сост.: Д. Д. Васильев, О. А. Королева, Н. И. Фомина ; Ин-т востоковедения РАН. М. : ИВ РАН, 2017. С. 7.
17. Ткачёва А. В. Императоры династии Цин, или Сыны Неба и Владыки Поднебесной // Молодой ученый. 2019. № 19 (257). С. 298 – 300.
18. Ульянов М. Ю., Деопик Д. В., Комиссаров С. А. Китай [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1841141.html> (дата обращения: 19.10.2022).
19. Хрисанф. Религии древнего мира в их отношении к христианству. СПб., 1873. Т. 1. С. 87 – 88.

CONCEPTS OF GOD IN THE CONTEXT OF CHINESE AND RUSSIAN
CULTURE: COMPARATIVE RELIGIOUS ANALYSIS
(part 1)

The article contains an attempt at a comparative analysis of religious studies of the denotations and connotations of the terms “God” (“divine”) in the context of their development in Chinese and Russian cultures. The first Nestorian translations of the gospel concept of God led to his identification with the Buddha (“佛”, “fo”), i. e. in connotations with “limitless light” and “awakened”, with the most “sacred wisdom shining with enlightenment, separated from the profane world of ordinary people”).

Keywords: Russia, China, “God”, “divine”, religious studies.

УДК 122/129

В. С. Конькова

СЕМИОТИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
В НАРРАТИВНОМ МИРЕ ЯПОНСКОЙ АНИМАЦИИ «АТАКА ТИТАНОВ»

Статья посвящена изучению особенностей репрезентации и интерпретации истории европейской цивилизации в нарративном мире японской анимации на примере работы Хадзимэ Исаемы «Атака титанов». В результате доказано, что данный феномен является комплексным, т. е. содержит в себе ряд символов и знаков, способствующих осмыслению социокультурного опыта западной цивилизации Востоком.

Ключевые слова: история, нарратив, элемент культуры, европейская цивилизация, символ, аниме.

Японская культура на протяжении веков была крайне традиционна, но в связи с глобализационными процессами начала формировать обширный пласт массовой культуры, при этом сохраняя свои национальные особенности. Вторгаясь в мировое пространство, она «...начинает формировать

вкусы нового поколения и на Западе, и на Востоке» [5, с. 6]. В настоящий момент современную молодежь действительно привлекает азиатское культурное пространство. Это касается многих продуктов массовой культуры, в том числе истинно «восточных» графических романов – манга, а также мульти-

пликация (аниме). Так как данные «отрасли» массовой культуры часто различаются только формой (в печатной, анимационной и цифровой версиях), то и рассматривать их мы будем как единый культурный феномен.

В статье подробно рассмотрена работа Хадзимэ Исаемы – японского мангаки, которую можно встретить под такими названиями, как «Атака титанов», «Атака на титанов», «Атакующий гигант», «Вторжение гигантов» (в зависимости от перевода). Манга представляет собой нарративную реальность с вымышленными героями. Однако вряд ли можно назвать «Атаку титанов» ничем не подкрепленной фантазией автора. Напротив, это кладезь символов, попытка осмысления и репрезентации всего культурного опыта европейской цивилизации Востоком через элементы массовой культуры. Такими, в частности, являются религиозно-мифологические компоненты. На базе существующих религиозных концепций и мифологем европейской цивилизации культурный нарратив формирует новые, актуальные в современном мире символы. Религиозный миф позволяет не только упростить для нашего понимания существующую реальность, но и истолковать элементы вымышленного повествования. В статье сакральная символика становится частью исследования для более глубокого понимания диалога дихотомических культур.

Лейтмотив повествования напрямую связан с названием: в мире существуют несколько этносов, в числе ко-

торых элдийцы, обладающие способностью становиться титанами. Также они упоминаются как «потомки Имир».

Проанализируем образы титанов в культуре. На настоящий момент нет особенной разницы в описании двух исполинских существ: титанов и великанов. Допустимо отметить, что иногда названия становятся вполне взаимозаменяемыми. У одного из авторов Античности, Гая Юлия Гигина, титаны причислены к числу гигантов/великанов. «Гиганты: произошли, согласно Гесиоду, из крови Урана, от Земли же и Тартара – только Тифон (см. фаб. 152), ... так же как титаны Кой, Иапет, Астрей и Паллант, и вдобавок еще Алоады (см. фаб. 28)» [3].

В греческой мифологии титаны предстают богоборцами, или «свергнутыми старыми богами».

Центральной фигурой является титан Кронос (олицетворяющий время), пожиравший своих детей. Следуя этой логике, данный акт объяснял ритуальный каннибализм в древности: молодость ощущалась Кроносом как угроза, способная лишить власти. Поедание плоти в данном случае – присвоение чужой силы. Данный мотив мы найдем в толковании одного из элементов сюжета.

Среди всех сыновей укрытым собственной матерью оказался Зевс, позже освободивший богов нового поколения и вступивший в войну с титанами. После победы Зевса и его сторонников «...все стало на свои места. Боги молодого поколения – на Олимпе, в золотых дворцах, боги старого поко-

ления – в темнице Тартара» [14, с. 73]. Несмотря на безоговорочную победу, заточение титанов представляло постоянную угрозу существующему миропорядку, так как они оставались олицетворением хтонических сил, ожидающих возможности вырваться на свободу.

Образ Кроноса также нашел художественное выражение: Хадзимэ Иса-яма явно был вдохновлен изображениями титанов фламандского живописца Питера Пауля Рубенса [10, с. 38] и картиной испанского художника Франсиско Гойи «Сатурн, пожирающий своего сына» [1]. Образ титанов Исаемы ближе к «Сатурну» Гойи, так как в нем нет прекрасного – великаны вызывают у нас страх вперемешку с отвращением. Также явное сходство форм мы можем найти еще в одной картине Гойи, написанной в 1812 году, – «Колосс». Этот гигант, касающийся темноты небес и разрушающий все на своем пути, является символом самой смерти.

Стоит отметить, что в отличие от греческой мифологии титаны в представлении автора манги не являются богоборцами. Более близкой оказывается скандинавская мифология, на которую явно ссылается автор. Обратимся к работе раннехристианского автора, скальда Снорри Стурлусона «Младшая Эдда», ставшей неким переосмыслением древних германо-скандинавских мифов, а также к сборнику «Старшая Эдда». В первой части «Младшей Эдды» повествование представлено в виде диалога короля Гюльи и бога Одина, в котором Один рассказывает о

происхождении мира. В ней упоминается великан (титан) Имир.

Гюльи (Ганглери) спрашивает у Всеотца: «Что же было в мире до того, как возникли племена и умножился род людской?» [13]. Высокий объяснил, что появился великан Имир. Первородность Имира подтверждает и «Старшая Эдда», содержащая в себе одну из самых знаменитых песен «Прорицание вёльвы»: «В начале времен, когда жил Имир, не было в мире ни песка, ни моря, земли еще не было и небосвода, бездна зияла, трава не росла» [2, с. 94].

Можно отметить, что Имир стал прародителем не только великанов, но и людей. «Пока Имир спал, он потел, и из его подмышек появились мужчина и женщина» [6]. Получается, что автор «Атаки титанов» не случайно взял за основу миф об Имире, словно объясняя связь титанов и людей в своем произведении. Но вернемся к Имиру из скандинавской мифологии.

Имирово племя множилось, как и росла численность богов – «асов», прародителем которых стал Бури, вскормленный коровой Аудумлой, так же как и Имир. Сын Бури, Бёр, взял себе в жены великаншу Бестлу из рода Имира и дал начало роду Одина, Вили и Ве.

Трое братьев убили Имира и сотворили мир, разделив его тело. Тема происхождения мира из тела сверхъестественного существа встречается также в греческой (Дионис) мифологии, китайской (Пань-гу), индийской (великан Пуруша), вавилонской (Тиамат), ацтекской (богиня земли) и др. [9, с. 420].

В северной мифологии это первое убийство в Ойкумене, ознаменовавшее собой движение к прогрессу.

Таким образом, мы полагаем, что образ прародительницы-Имир ближе к скандинавским великанам, чем к греческим титанам-богоборцам. Еще одну важную отсылку образа Имир к германо-скандинавской мифологии проанализируем ниже.

В «Атаке титанов» Имир предстает перед нами в женском облике, как рабыня, ставшая позже наложницей Фрица, правителя племени элдийцев. Она чудесным образом получает силу титанов, чем Фриц пользуется в своих интересах: использует ее ради победы над врагами, марлийцами.

Позже, после смерти, тело Имир (как и в скандинавской мифологии) было разделено на части и съедено ее дочерьми по приказу отца, дабы передать титаническую силу потомству. Мы можем также предположить, что образ титанов подразумевает под собой первородное хтоническое начало, а разделение тела и ритуальное поедание плоти – символ желания власти над стихией.

В именах дочерей Имир – Роза, Мария, Сина – отражен синкретизм языческих и христианских мотивов. Два первых имени имеют явное христианское происхождение. С именем «Сина» не совсем все понятно: одни источники говорят об ирландском происхождении, другие снова возвращают к христианскому миру. Основанием для этого является однокоренное слово «Сион» – холм в Иерусалиме

[11], имеющий огромное значение как для христианства, так и для иудаизма. Также под «Сионом» может подразумеваться Царство Божие.

Позже силу унаследовали девять потомков Имир, и она передавалась в течение следующих столетий. Для германской мифологии число «девять» имеет исключительное, сакральное значение: Один, принеся себя в жертву, провисел на дереве девять дней; наличие девяти миров; у девяти матерей родился Хеймдалль; Фрейр ждал женитьбы девять ночей и т. д. [7, с. 90]. В упоминаемой нами ранее песне «Старшей Эдды» – «Прорицание вёльвы» – конкретизируется нахождение этих «девяяти миров» внутри ветвей Иггдрасиля – мирового дерева – и существование путей между ними. После смерти прародительница Имир оказывается в «мире Путей» у подножия дерева, что доказывает состоятельность наших предположений.

Передача силы основных титанов правителям Элдии может быть объяснением сакрализации власти, присущей реальному миру европейского Средневековья. Со временем из племени Элдия превратилась в государство, постоянно угнетающее и эксплуатирующее другие народы. Одним из наследников Имир был решен конфликт с Марлией – перенесение столицы на остров Парадиз. На острове расположены три стены (Роза, Мария, Сина), названные в честь уже упоминавшихся дочерей Имир. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона мы находим упоминание о стене,

находящейся близ горы Сион, позже проходившей по ее хребту: «Из трех стен, окружающих Иерусалим, стена, окружающая С., была древнейшею» [12]. Из этих строк можно сделать вывод о возможной достоверности догадок о происхождении имени Сина.

Средневековый мир острова Парадиз традиционен. Основная часть населения занимается земледелием, скотоводством, ремеслом и торговлей. При этом мы можем говорить только о сформированном внутреннем рынке, так как торговых контактов с континентом не происходит. Потеря земли имеет крайне символическое значение, ведь на Парадизе частично сохраняется натуральное хозяйство. Поэтому с падением стен у потомков Имир остается все меньше шансов на выживание.

Обеспечить безопасность жителей острова должны не только крепостные стены, но и вооруженные силы Парадиза, представляющие собой три подразделения с различными задачами и внешними отличиями – геральдическими символами.

В момент повествования среди кадетов разведкорпуса герои находят потомка правителей Элдии – Хисторию Рейс, которая позже станет королевой острова. Хистория являет собой яркий пример средневекового отношения к государственному устройству: истинный порядок и благо – это воцарение законного монарха, так как его власть сакральна. Восшествие на престол Хистории может также быть отсылкой и к эпохе европейского империализма, где множество монархов

имели сугубо символическое значение и не являлись действительными правителями своих государств.

Итак, мы показали, что перед нами аллюзия на средневековое европейское общество. Появление на Парадизе антимарлийских добровольцев, помогающих островитянам преодолеть техническое отставание, например через строительство железных дорог, олицетворяет собой экспансию промышленной техники над природой.

Европейская культура, пронизанная христианской моралью, содержит в себе идеи взаимосвязи греха и кары, которая неизбежно настигает героев. Братья Йегеры – это мятежные фигуры, которые хотят самоутвердиться в самих себе, быть свободными в выборе, поэтому у каждого из них свой путь. Эрен, одержимый идеей уничтожения противников Элдии, дегуманизирует людей, называя их «животными», так как в момент «дрожи земли» (апокалипсиса) его врагами становятся не титаны, а люди. Зик категоричен и считает спасением мирное вымирание своего народа путем контроля над популяцией, что искупило бы вину элдийцев перед остальными. Оба героя противоречат христианскому принципу «не убий», поэтому обречены, как и любое проявление зла. Однако в них зло не является самостоятельной силой, оно – лишь недостаток добра, поэтому вызывает симпатию и сочувствие. Мы можем даже симпатизировать обреченности и трагизму зла.

Помимо этого, зло связано с желанием власти, контроля. Так, марлийцы

навязывают элдийцам идею того, что их народ, оставшийся на острове, – «адские выродки», само воплощение зла. И тем, что они являются частью этого народа, государство Марли объясняет ограничение прав континентальных элдийцев. И тут мы найдем явную отсылку к нацистской Германии и использованию системы концентрационных лагерей в период Второй мировой войны.

Теперь обратимся к географии «Атаки титанов». В образе континента нетрудно угадать перевернутую и отраженную карту Африки с островом Мадагаскар [8], который мы упоминали как Парадиз – место изолированного обитания «потомков Имир». Практика использовать реальные географические объекты для создания волшебных миров – довольно распространённое явление, так как обычно «...при их конструировании сознание человека обязательно опирается на представления о положении дел в мире реальном; проявляется это в расщепленной референции, основанной на логических операциях сходства или подобия» [4]. Так почему же именно Африка, если мы подразумеваем цивилизацию Запада?

В Новое время возник европейский империализм, одной из важных частей которого стал колониальный передел мира, в том числе и Африки, в котором территории становились аграрно-сырьевыми придатками своих метрополий, а также не имели всей полноты прав. В начале XX столетия африканские территории становятся частью те-

атра военных действий мировых конфликтов.

Также в XX веке во многих европейских странах остро стоял «еврейский вопрос», связанный с растущими националистическими настроениями и антисемитскими движениями. Многие государства считали необходимым депортацию и резервацию евреев со своих территорий. Подтверждением тому стал план «Мадагаскар» [15]. В «Атаке титанов» с помощью визуальных образов переданы признаки тоталитарных государств XX столетия: корпоративное государство, резервация и геноцид определенных народов, использование отличительных знаков для заключенных, характеризующих их полезность и степень личной свободы, и т. д.

Как известно, реальные топонимы в вымышленном пространстве являются носителями политической, экономической и социокультурной информации. Введение их в нарратив не только приближает нас к пониманию сути произведения, но и расширяет ареал действия героев и событий, создает условия для более близкого знакомства читателя с упоминаемой культурой или эпохой. Подтверждением этому может служить марлийский город Либерио, явно имеющий созвучие с Либерией – реальным государством, расположенным на западе Африки.

Покорив потомков Элдии на континенте, марлийцы рационализировали свой мир: в нем нет места религии, свободомыслию, воле. В их городах элдийцы проживают в зонах интернирования и служат на благо Марли. Еще

одна цель эксплуатации «народа Имир» – желание властвовать над природой для удовлетворения человеческих потребностей, в том числе всемирное господство через технический прогресс. Автор манги видит риск в чрезмерной рационализации жизни, подчинении ее техническому прогрессу. Средством достижения власти над природой выступают наука и техника. Таким образом, борьба с титанами олицетворяет войну против самой природы, так как образ титанов подразумевает под собой природное начало. Желание подчинить природу силой технического прогресса оборачивается катастрофической ошибкой в момент, когда титаны вырываются на свободу ради уничтожения всех народов, когда-либо угнетавших «потомков Имир». Это символизирует борьбу природы с паразитическим влиянием человечества.

Рост значимости технических процессов и техногенных объектов позволяет предположить, что человечество перестало контролировать происходящее в мире. То, что мы сейчас именуем экологической катастрофой, – результат поражений технического прогресса в войне с природой. Усугубляет положение само человечество, на первый взгляд, неспособное к консолидации. А

ведь именно принцип единения народов станет единственным средством, которое может остановить надвигающийся апокалипсис.

Символические элементы религиозной визуальной семиотики многочисленны, потому они могут выступать источниками для популяризации или интерпретации тех или иных культур. Использование символов различных религиозных систем говорит о том, что значение религии в культуре снова возрастает. Именно это помогает японской анимации и подобным ей продуктам массовой культуры принимать необходимую «глубину» для привлечения достаточно широкой аудитории.

Глобализационные процессы действительно повлияли на японскую культуру. Во многом это объясняется и интересом самого Востока к Западу. В культурном нарративе «Атаки титанов» в центре повествования находится сюжет апокалипсиса, разными символическими элементами уходящий в прошлое европейской цивилизации. Данный феномен не просто подтверждает состоятельность диалога культур Запада и Востока, но и попытки интерпретации, а также осмысления социокультурного опыта западной цивилизации Востоком.

Библиографические ссылки

1. Aja Romano. A beginner's guide to 'Attack on Titan,' the most intense anime of 2013. The Daily Dot [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20161211154110/http://www.dailydot.com/fandom/attack-titan-shingeki-no-kyojin-guide/> (дата обращения: 22.08.2022).

2. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М. : Худож. лит., 1975. 752 с.
3. Гигин Г. Ю. Мифы [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gigin-gaj-yulij/mifi> (дата обращения: 21.08.2022).
4. Ильинова Е. Ю. Концептуализация вымысла в языковом сознании и тексте [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. URL: <https://www.dissercat.com/content/kontseptualizatsiya-vymysla-v-yazykovom-soznanii-i-tekste?ysclid=I9fyon0b150705628/read/read> (дата обращения: 02.08.2022).
5. Катасонова Е. Л. Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры. М. : Вост. лит., 2012. 312 с.
6. Ларрингтон К. Скандинавские мифы. От Тора и Локи до Толкина и «Игры престолов» [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/tMnFN> (дата обращения: 21.08.2022).
7. МакКой Д. Дух викингов. Введение в мифологию и религию Скандинавии / пер. В. Краснянской ; пред. С. Зотова. М. : АСТ, 2022. 336 с.
8. Марлия [Электронный ресурс] // Атака Титанов. URL: <https://attackontitan.fandom.com/ru/wiki/%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%BB%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 23.08.2022).
9. Мифы народов мира [Электронный ресурс] : энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. М., 2008. 1147 с. URL: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf (дата обращения: 22.08.2022).
10. Питер Пауль Рубенс / сост. В. А. Совинин. М. : РИПОЛ классик, 2014. 40 с.
11. Сион [Электронный ресурс] // Академик: [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/272290> (дата обращения: 24.08.2022).
12. Сион, гора [Электронный ресурс] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон // Энциклопедический словарь [сайт]. URL: <https://clck.ru/u4ouP> (дата обращения: 23.08.2022).
13. Стурлусон С. Младшая Эдда [Электронный ресурс] // Открытый текст : [сайт]. URL: <http://opentextnn.ru/man/mladshaja-jedda/> (дата обращения: 21.08.2022).
14. Тахо-Годи А. А. Греческая мифология. М. : Искусство, 1989. 304 с.
15. Хавкин Б. Л. Польский и германский планы депортации евреев на Мадагаскар [Электронный ресурс]. URL: <https://rep.bstu.by/bitstream/handle/data/8258/101107.pdf?sequence=1&isAllowed=y&ysclid=I91ghafr4w978535929> (дата обращения: 09.09.2022).

**SEMIOTIZATION OF THE HISTORY OF EUROPEAN
CIVILIZATION IN THE NARRATIVE WORLD OF JAPANESE
ANIMATION “ATTACK OF THE TITANS”**

The article is devoted to the study of the peculiarities of the representation and interpretation of the history of European civilization in the narrative world of Japanese animation on the example of Hajime Isayama’s work “Attack of the Titans”. As a result, it was proved that this phenomenon is complex, i.e. it contains a number of symbols and signs that contribute to the understanding of the socio-cultural experience of Western civilization by the East.

Keywords: history, narrative, element of culture, European civilization, symbol, anime.

УДК 2.1; 130.121; 303.01

А. С. Тимощук

**ДИАЛЕКТИКА ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО И НОРМАТИВНОГО
В ТЕКСТАХ ИНДУИЗМА**

Традиционные общества имели высокоразвитые методы поддержания социокультурной устойчивости на частно- и публично-правовом уровнях, функционируя в структурированном несмешанном режиме. Цель статьи – использование индийской философской системы для изучения методологии sustainability. Структура, фокус и целеполагание сакрального текста индуизма – генерация такой мировоззренческой системы, которая содержала бы холистическую модель от создания мира до детальных предписаний повседневной жизни, от космологии и онтологии до этики и юридической антропологии. Это верно и для не специфических для права трактатов, которые выполняют функцию смыслогенерации. Охарактеризованные в статье тексты выступают ценностно-смысловым контекстом для исследования правовой системы традиционного ведического общества.

Ключевые слова: «Махабхарата», «Бхагавад-гита», «Бхагавата-пурана», «Манавадхармашатра», «Ману самхита», ведические тексты, индуизм, Веды.

Корпус ведических текстов настолько обширен и сложен, что практически невозможно использовать его целиком в качестве источниковой базы права. В связи с этим, описывая общий массив ведических писаний, следует опреде-

лить круг текстов, которые представляют особый интерес для исследования.

Необходимо ограничиться только текстами, входящими в корпус Вед, которые отвечают следующим критериям: 1) их содержание должно охватывать предмет исследования в целом или в какой-то его части, т. е. данные тексты должны описывать такие уровни социальных регуляторов, как смыслопорождающий, идеологический, формально-деонтологический и эстетический; 2) данные тексты должны иметь высокий статус в рамках корпуса ведической литературы.

Универсальными для выполнения данной задачи являются такие тексты, как «Бхагавата-пурана» (БП), «Бхагавад-гита» (БГ), «Ману самхита» (МС), «Махабхарата», – главные концентраторы смысла индуизма и факторы концептуализации такого влиятельного течения внутри хинду дхармы, как вайшнавизм [14; 16]. Это не означает, что в исследовании будут использованы исключительно эти тексты, но им, по ряду причин, отмеченным ниже, отдается предпочтение. Приведем краткую характеристику вышеуказанных текстов. В процессе характеристики будут отмечаться текстуальная, логическая и смысловая взаимосвязи данных текстов, образующих в совокупности полноценную мировоззренческую систему.

«Бхагавата-пурана». Значение слова «пурана» объясняется в «Атхарваведе» как «сказание древних времен» [1, с. 300 – 301]. Авторство пуран, так же как и основного корпуса ведической

литературы, приписывается легендарному мудрецу Вьясе. Пураны можно охарактеризовать как энциклопедическое описание реальности с точки зрения ведических принципов: это живая ведическая история, отобранная по ценностно-смысловому признаку [15, с. 175]. «Экстраординарная природа ведической истории, записанной в пуранах, может быть более понятна, если бы европейская история выстраивалась на основе религиозной литературы» [21, с. 3]. При этом пураны описывают социальное устройство общества, то есть «обязанности варн и ашрамов» – предписания и запреты для каждой страты и уклада жизни человека [1, с. 303]. Известный востоковед и индолог Г. М. Бонгард-Левин утверждает, что «главным источником по изучению индуизма как сложившейся религиозной системы являются пураны» [Там же, с. 271]. Как следствие, исследуя их, можно почерпнуть материал как для характеристики философских основ мировоззрения Вед, так и описания регулятивной системы.

Насчитывается 18 пуран: «Вишну-пурана», «Ваю-пурана», «Матсья-пурана», «Бхагавата-пурана», «Маркандея-пурана», «Агни-пурана» и др. Джива Госвами (1533 – 1618), признанный знаток Вед и санскрита, написавший собственные философские исследования «Сандарбхи», доказывает выдающееся положение «Бхагавата-пураны», состоящей из 12 частей и 18 000 стихов. Он цитирует «Гаруда-пурану», утверждающую, что «Бхагавата-пурана» выражает суть «Веданта-сутры» (артхо йам

брахма-сутрамам) и поэтому является ее «естественным комментарием» («таттва сандарбха», 6.21). Для индуизма свойственно сублимировать тексты, выжимать из них эссенцию, сущность, субстанцию, «веда-анта» (итог Вед), «сиддх-анта» (совершенное заключение). Часто на такую роль претендуют «Веданта», «Бхагавад-гита», «Бхагавата-пурана» [5, с. 45]. Особое положение «Бхагавата-пураны» подчеркивается также современными индологами. Например, С. Дасгупта пишет: «Роль Бхагавата-пураны для всей религиозной традиции Индии уникальна» [20, с. 4]. В то время как содержание других пуран очень разнородно и зачастую противоречиво, «Бхагавата-пурана», как указывает М. Винтерниц, представляет собой изложение единой доктрины, объединенное единой композицией [22, с. 44].

«Бхагавата-пурана» задаёт моральные идеалы через эстетику, трансцендирование к прекрасному, что находит отражение в самом тексте, где пурана характеризуется как «Шримад» (прекраснейшая), «зрелый плод дерева желаний ведической литературы» (нигама-калпатарор галитам пхалам – БП, 1.1.3), трансцендентная сущность Вед (сатвати шрутих – БП, 1.4.7), составленная с целью принести высшее благо всем людям, исполненная совершенства, приводящая к высшему успеху, приносящая удачу и блаженство (нихшрейасайа локасйа дханйам свастй-айанам махат – БП, 1.3.40), суть всех ведических писаний и летописей Вселенной (сарва-ведетихасанам сарам сарам – БП, 1.3.41),

«солнце, дарующее свет людям, утратившим способность видеть в непроглядный век вражды и лицемерия» (калау нашта-дршам эша пуранарко 'дхунодитах) (БП, 1.3.43).

«Бхагавад-гита». Хотя по структуре она составляет часть «Махабхараты», по своему содержанию БГ относится к упанишадам – философским диалогам между учителем и учеником, в которых обсуждаются темы индивидуального и всеобщего, природы сознания, времени, деятельности [9, с. 110]. А. Шопенгауэр писал: «Во всем мире нет объекта для изучения более благоприятного и возвышающего, чем упанишады. Они содержат старейшую философию и психологию человеческой расы...» [19, с. 69].

«Бхагавад-гита» является частью «Махабхараты» и сочетает в себе уникальную поэтическую и философскую направленность, очень живую, эпическую и зрелищную. В ней изложены идеи, которые прорабатывались индусами тысячелетия. Эти концепции ширятся и нарастают по всей ведической литературе, они проходят через большую эпическую «Махабхарату», приобретают новые формы в буддизме и джайнизме, кристаллизуются в различных философских системах и комментариях, живут в правовых текстах, мерцают в бесчисленных национальных литературах Индии.

Переведённые ещё в 1785 г. Ч. Уилкинсом на английский язык 18 глав «Бхагавад-гиты» привлекли внимание европейцев к санскритской литературе, позволили увидеть в ней идейно насы-

щенные произведения о морали, законе, ценностно-смысловой сфере, теофании и праксиологии [4, с. 4]. При этом «Гита» выступает смысловой нитью к последующим текстам, в частности «Бхагаватам» начинается там, где заканчивается «Бхагавад-гита» [11, с. 72]. Последнее наставление «Бхагавад-гиты» «Оставь все ложные дхармы (предписанные обязанности) и просто вручи себя Мне (сарва-дхарман паритйаджа мам экам шаранам враджа)» (БГ, 18.66) имеет продолжение в одном из первых стихов «Бхагаватам», которая «отвергает все дхармы, исполненные лицемерия и материальных устремлений, и провозглашает высочайшую истину» (дхармах проджджхита-каитаво `тра парамо) (БП, 1.1.2).

Подлинный характер учения «Гиты» можно понять лишь в сопоставлении его с идеями упанишад. Параллели с упанишадами прослеживаются и в других частях «Махабхараты», однако в «Гите» число их настолько велико, что их никак нельзя объяснить лишь «общей идейной атмосферой» или просто хорошим знакомством ее авторов с отдельными сочинениями. Отрывки, текстуально повторяющие источник, затрагивают кардинальные вопросы доктрины [1, с. 133 – 134].

Г. М. Бонгард-Левин указывает на связь «Гиты» с «Ману самхитой»: «Нет оснований полагать, что наиболее ранняя из дошедших до нас шастр – «Ману смрити» – предшествовала «Гите» и оказывала на нее влияние. Скорее, литература шастр использовала тот же круг

представлений о варновой структуре общества, что и авторы «Гиты»» [1, с. 151]. Личность Ману, автора «Манавадхармашастры», упоминается в «Бхагавад-гите» в связи с передачей трансцендентного знания сыну – царю Икшваку (БГ, 4.1). БГ и МС перекликаются, содержат общие положения – диспозитивные и императивные нормы, материальные и процессуальные. «Ману самхита» регулирует отношения в терминах конкретных ортодоксальных законоведческих школ, при этом философски стоит на концепциях «Веданты» и «Бхагавад-гиты» [10]. Подобное мнение высказывает А. Бэшем: «Фактически сотни стихов «Ману» можно найти также в «Махабхарате», но они, вероятно, были заимствованы не из «Ману», а из общего источника» [3, с. 122].

«Ману самхита». Трактат состоит из 12 глав, 2685 стихов и принадлежит к разделу ведической литературы – смрити. Частый перевод названия сборника – «Законы Ману» – не совсем точно передает санскритское наименование «Манавадхармашастра». Если быть точным, то название звучит как «Наставления Ману в дхарме».

Концепция французского ученого Р. Ленга заключается в следующем: «Дхармашастры излагают вечные истины, они призваны указать, какое поведение является правильным, а какое ложным» [6, с. 15]. «Ману самхита» содержит в себе некоторые положения ведической философии, ценностные положения, источники познания, рационалистическую теорию причинности, уче-

ние о материальных качествах (гуннах) [1, с. 176].

В данном контексте стоит отметить универсальность «Ману самхиты», содержащей предписания не только по поводу гражданского и уголовного законодательства, но и относительно норм семейной жизни, культовые и гигиенические предписания и т. д. Личность Ману упоминается в «Бхагавад-гите» в связи с передачей им трансцендентного знания сыну – царю Икшваку (БГ, 4.1).

Рассмотренные тексты, благодаря своей универсальности, могут служить основой для характеристики всех уровней правовой системы. Отметим лишь, что «Бхагавад-гита» и «Бхагаватапурана» в большей степени характеризуют философский базис и идеи права, «Манувадхармашастра» – нормы права, а «Махабхарата» – описание правовой реальности.

Французский философ права Ф. Батиффоль описал смыслопорождающий уровень функционирования социальных регулятивов Древней Индии: «Чтобы узнать основной высший смысл права, необходимо установить: почему существуют различные общества; но как ответить, не зная точно, что представляет собой человек, к чему он стремится, куда идет и должен идти? В конце концов, нам необходимо знать о Вселенной в целом, чтобы дать надлежащий ответ на подобные вопросы...» [17, с. 11]. Для исследования важно рассмотреть целостную картину мира, представленную в ведических текстах, на основе которой происходит формирование отдельных

сфер жизни индивида, общества и государства. «В реальном историческом процессе институты правового государства определяют развитие философских идей народа, а сама философия не только объединяет в себе всеобщие ценности эстетического и религиозного духа народа, но и, в свою очередь, осмысливает сущность правового государства, определяет содержание его идеологических оснований» [2, с. 44]. Мировоззренческая концепция Вед пронизывает все основные отрасли знания – медицину, воинское искусство, право, математику, архитектуру, логику, психологию, астрономию и т. д.

Рассмотрим философский базис социально-правовой теории ведических текстов, а также нравственно-ценностную основу социально-правовой теории ведических текстов. «В индийской литературе можно найти ответы на любые вопросы, занимавшие европейских философов, однако они не сопровождаются подробными аргументами за и против, а сводятся просто к отрицанию или утверждению. Нередко фактическим доводом в пользу того или иного тезиса является ссылка на древнюю легенду, используемую почти так же, как использовал древние мифы для подтверждения своих теорий Платон» [3, с. 87]. В связи с этим можно отметить особый вид логики, присутствующий в ведических текстах, не опирающийся на аргументы извне, а имеющий основу внутри собственной понятийной и аксиоматической системы.

«Бхагавата-пурана» объясняет, что индивидуальная личность (атма) принадлежит к пограничной энергии Абсолюта. Буквально «татастха» («тата» – берег, «стха» – стоящий) можно перевести как «стоящий на берегу». Это указывает на свободу воли живого существа (атмы), которая заключается в выборе среды своего пребывания. Живое существо обладает качественным тождеством с Абсолютом, т. е. той же природой сат-чит-ананда (вечность, знание, блаженство). Существует качественное различие между индивидуальной атмой и Абсолютом: живое существо – анну – обладает ограниченным сознанием, Абсолют – вибху – безграничным сознанием, поэтому атма всегда занимает подчиненное положение в отношениях с Абсолютом. Там, где есть ограниченность, есть возможность ошибки, поэтому живое существо, пользуясь своей свободой выбора, может попадать в сферу влияния внешней, материальной, энергии Абсолюта (майа-шакти). В соответствии с «Бхагавад-гитой» не все живые существа находятся под влиянием майа-шакти. Большая их часть погружена во взаимоотношения с Абсолютом и находится под влиянием внутренней, духовной, энергии (БГ, 15.16: «Есть два типа живых существ: бранные (кшарах – склонное к падению) и неизменные (акшарах – непогрешимое). В материальном мире каждое живое существо меняется, а обитатели духовного мира всегда остаются неизменными»). «Бхагавата-пурана» утверждает, что причина

страданий атмы – в отсутствии знания, невежестве (авидья). «Бхагавата-пурана» свидетельствует, что, хотя атма запредельна по отношению к материальной природе, находясь под ее воздействием, она считает себя порождением материи и потому испытывает тройственные страдания (клеши) (БП, 1.7.5). Сильное желание (иччха) испытывать духовное блаженство под влиянием материальной энергии (майа-шакти) преломляется в сильное желание доставлять удовлетворение чувствам собственного материального тела (кама), с которым атма связана ложным отождествлением (БГ, 3.39). Несмотря на множественный опыт разочарования в наслаждении чувствами, атма, движимая надеждой обрести счастье, продолжает скитаться по материальному миру. Для духовной атмы материальный мир является юдолью страданий, где каждый вынужден рождаться и умирать (БГ, 8.16). Войдя в новое тело, порожденное материальной природой, атма благодаря этому обретает возможность наслаждаться соответствующими объектами чувств (БГ, 15.9).

Причина страданий атмы – ложное отождествление с материальным телом (аханкара) и деятельность, исходящая от него (карма). Общее значение слова «карма» (санскритский корень «кри» – «творить», «создавать плоды») можно определить как «деятельность», «действие», «поступок» или «труд». Первое значение слова «карма» – это деятельность, которую совершает воплощенное в материальном теле живое существо

с помощью пяти своих действующих чувств (кармендрийа – органы приема пищи, органы защиты и приобретения, органы передвижения, органы размножения, органы выведения отходов из тела). Второе значение слова – это predetermined суммарный результат деятельности живого существа. «Карма есть власть прошлых поступков над человеком, его судьба. Корни настоящего – в прошлом, а ткань будущего состоит из нитей настоящего. Моральные импульсы каждого действия сохраняются и приносят плоды в следующей жизни человека в виде его природы, склонностей, положения, образования» [12; 13]. Существует представление о том, что закон кармы – проявление фатализма, естественным следствием которого является индивидуальная и социальная пассивность. Такое представление ограничено, как и убежденность в том, что человек – творец своей судьбы, он деятель и способен контролировать ситуацию. Карма формируется на основе как минимум двух факторов: плодах своих поступков в прошлом и целенаправленных усилиях в настоящем. Другими словами, индивид в соответствии с концепцией кармы имеет свободу выбора действий в настоящем, но не может предопределить последствия этой деятельности. «Согласно этим доктринам он сам – причина своей нынешней судьбы, и тем самым он определяет свое будущее. Только через призму “закона кармы”, признанного положения о социокультурной обусловленности представлений о добре

и зле, чести и достоинстве, самого механизма взаимодействия таких понятий, как мораль, справедливость, можно понять индийскую философию личности с ее представлениями о человеке как индивиде, носителе субъективных прав, о свободе и равенстве, о праве человека на жизнь, его неприкосновенность, на признание его достоинства» [18, с. 15].

В контексте кармы необходимо охарактеризовать принцип перевоплощения атмы из одного материального тела в другое. «Бхагавата-пурана» характеризует данный процесс следующим образом: «Живое существо, находящееся в материальном мире, иногда становится то мужчиной, то женщиной, то ни тем и не другим; то человеком, то полубогом; то птицей, то зверем и так без конца. Так оно странствует в материальном мире и в зависимости от своих поступков, совершенных под влиянием гун материальной природы, получает тела разных типов» (БП, 4.29.29).

Избавление от страданий (мукти) происходит посредством связи индивидуального сознания атмы со сверхсознанием Абсолюта («йога» – буквально «связь»). Связь с Абсолютом (йога) устанавливается посредством выполнения священных обязанностей (дхармы), предписанных индивиду в соответствии с психофизическими и половозрастными особенностями, особого умонастроения жертвоприношения (ягья-артхат), отказа от собственных, эгоистических интересов. «Действия не сковывают человека, когда выполняются без

эмоциональной заинтересованности, но как необходимый долг» [1, с. 144].

Выполнение обязанностей в таком сознании очищает атму от желания господствовать в материальном мире, услаждать чувства. Действуя таким образом, человек гармонизирует все сферы своей жизни, достигая как материального процветания (прасавишьядхам), так и освобождения (мукти). Принцип яги последовательно проявляется во всех сферах жизни. В ведической культуре свадьба – это жертва, зачатие ребенка – это также жертва, как описывает «Чхандогья-упанишада»: «На алтарь жертвоприношений приносится пять видов различных даров, которые затем превращаются в пять видов жертвенного огня. Эти пять видов огня символизируют райские планеты, облака, землю, мужчину и женщину, а пять видов жертвенных даров являются символами веры наслаждающегося в раю, дождя, зерна и семени» (ЧУ, 5.4 – 10). Такому умонастроению противопоставляется искусственное отречение притворщика (митхйачарах) (БГ, 3.6) – человека, отказавшегося от исполнения предписанных обязанностей (дхармы). Такое ложное отречение не приводит человека к высшей цели, так как сам по себе отказ от деятельности не освобождает от кармы, а практика отречения не помогает живому существу достичь совершенства (БГ, 3.4, 3.5). БГ утверждает, что воплощенное живое существо беспомощно перед материальной природой и вынуждено действовать под влиянием гун, приобретенных в прошлом. Таким

образом, концепция дхармы (священного закона) консолидирует в себе всю совокупность нравственно-религиозных идей Древней Индии.

Говоря об устройстве окружающего мира, Веды (в частности, «Ригведа») описывают концепцию риты (универсального порядка [7, с. 33]) как глобального космического закона. Рита определяет основы функционирования мироздания, человеческого общества, фундаментальные основы сознания и истины. Данный принцип регулирует упорядоченность Вселенной, общества и жизни человека, переход от хаоса к порядку. Таким образом, диалектика ценностно-смыслового и нормативного в текстах индуизма основана на концепции риты и реализована через философские и правовые тексты, регулирующие дхарму. Рита как вечный принцип внутренней гармонии Вселенной проявляется в обществе в виде текстов дхармы, однако нарушение риты карается не только на уровне повседневной дхармы, но и на вселенском уровне; избежать санкции невозможно, так как закон действует скрытно, проникает внутрь всех явлений и предметов, в механизм и генетические основы их существования. Подобная холистическая система существовала во многих традиционных обществах – Шумере, Египте, Китае, Элладе, Риме. Транспозиция космического равновесия на законы социального служения отражает внутреннюю сущность права в традиционных обществах (мишарум, маат, дао, номос, юс).

Библиографические ссылки

1. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М. : Наука, 1980. 320 с.
2. Бойко П. Е. «Путем зерна»: абсолютный идеализм и основания идеологии правового государства в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2006. № 6. С. 37 – 45.
3. Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М., 1977. 616 с.
4. Бхагавадгита / пер. с санскрита В. С. Семенцова. М., 1999. 256 с.
5. Ватман С. В. Бенгальский вайшнавизм / под ред. С. В. Пахомова. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 403 с.
6. Дхармашастры Нарады / пер. с санскрита и комм. А. А. Вигасина и А. М. Самозванцева. М. : Вост. лит., 1998. 256 с.
7. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
8. Крашенинникова Н. А. Индусское право : История и современность. М. : МГУ, 1982. 192 с.
9. Матвеев С. А. Ценностно-смысловая типология священных писаний Древней Индии // Наука, религия, текст: «Махабхарата» и «Бхагават-Гита», традиция и интерпретация : материалы междунар. науч.-теорет. конф. Владимир : ВлГУ, 2006. С. 109 – 117.
10. Миненков С. А. Правовые и философские основы социального неравенства в Древней Индии: форма и содержание // Право и политика. 2007. № 8. С. 101 – 105.
11. Сатсварупа дас Госвами. Очерки ведической литературы: что говорит о себе великая традиция. М. : ББТ, 1990. 144 с.
12. Тимощук А. С. Диалектика права и закона в традиционной культуре. На примере индусского права // Закон и право. 2006. № 10. С. 46.
13. Тимощук А. С. Особенности правовой системы традиционного общества (на примере классического индусского права) // Lex Rusica. Научные труды МГЮА. 2006. Т. LXV (№ 5). С. 893 – 897.
14. Тимощук А. С. Динамика репрезентаций современного вайшнавизма // Вайшнавська традиція крізь століття / Збірка матеріалів Міжнародної молодіжної релігієзнавчої літньої школи «Вайшнавська традиція крізь століття» за 2012 – 2013 рр. Донецьк : Донбасс, 2014. Вип. 1. С. 132 – 148.
15. Тимощук А. С. Традиционная культура. Сущность и существование : дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород : НГАСУ, 2007. 402 с.
16. Тимощук А. С. Эстетика и метафизика: культурогенез бенгальского вайшнавизма в работах Рупы Госвами // II Российский культурологический конгресс : тез. докл. и сообщ. СПб. : Эйдос : Астерион, 2008. С. 387 – 388.

17. Философия права / О. Г. Данильян [и др.] ; под ред. О. Г. Данильяна. М., 2006. 416 с.
18. Ударцев С. Ф. Правовая и политическая мысль Древней Индии. Алматы, 2005. 119 с.
19. Bharat Bhushan Gupta. India through the ages. Niyogi books. New Delhi. 2006. 414 p.
20. Dasgupta S. A History of Indian Philosophy: In 5 vols. Delhi : Motilal Banarsidass, 1992. Vol. 4. 483 p.
21. Pargiter F. E. Ancient India historical traditian. New Delhi, 1997. 376 p.
22. Winternitz M. A History of Indian literature : vol I : part I. Calcutta, University of Calcutta, 1959. 271 p.

A. S. Timoshchuk

**DIALECTICS OF VALUE-SEMANTIC AND NORMATIVE
IN THE TEXTS OF HINDUISM**

It is known that Hindu dharma shastras, religious, ethical and legal compilations, are very specific textbooks of law. They can hardly be considered legal norms, codes, laws. Obviously, ancient authors did not pursue the goal of creating legal texts. The structure, focus and purpose of the sacred text of Hinduism is the generation of such a worldview system that contains a holistic model from creating the world to detailed instructions of everyday life, from cosmology and ontology to ethics and legal anthropology. This is true for non specific treatises that perform the function of logotherapy. The Hindu texts described in the article are a value-semantic context for studying the legal system of a traditional Vedic society.

Keywords: Mahabharata, Bhagavad-gita, Bhagavata Purana, Manavadharmashtra, Manu Samhita, Vedic texts, Hinduism, Vedas.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДУЛЛАЕВА Сабина Шихсеидовна – старший преподаватель кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
amirseiidova.sabina@yandex.ru

АРИНИН Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор заведующий кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
eiarinin@mail.ru

БУТ-ГУСАИМ Светлана Феодосьевна – кандидат филологических наук, доцент доцент кафедры белорусской филологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, г. Брест
svfbg@tut.by

ГАВРИЛОВА Екатерина Ивановна – аспирант кафедры истории России Воронежского государственного университета, г. Воронеж
gavrilova198901@mail.ru

КОНЬКОВА Валерия Сергеевна – аспирант кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
ValeriaSergeevna6@yandex.ru

ЛЮ Кунь – аспирант кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
guoliukun@gmail.com

МИТРОФАНОВ Виктор Владимирович – доктор исторических наук профессор кафедры теории и истории государства и права Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, г. Санкт-Петербург
viktor-n1962@mail.ru

МОКШИН Геннадий Николаевич – доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры истории России
Воронежского государственного университета, г. Воронеж
mok410@mail.ru

СОЛОВЬЕВ Андрей Борисович – кандидат политических наук
руководитель музейного образования «Музей истории органов безопасности
во Владимирской области», г. Владимир
istoriarossii911@mail.ru

СОРОКИН Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент
ведущий научный сотрудник Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета им. Н. И. Лобачевского, г. Богородск
skaliger1989@yandex.ru

ТИМОЩУК Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир
ys@abhinanda.elcom.ru